

ЗВЕЗДА РУНЕТА * ФЭНТЕЗИ

18+

Вергилия Коулл

БЕЛЫЕ ВОЛКИ

500 000 ПОКЛОННИКОВ СЕРИИ

Annotation

Белые волки — совершенные существа. Больше, чем люди. Больше, чем оборотни. Они красивы. Богаты. Они среди тех, кто правит. Говорят, их хранит магия.

Но совершенные — не значит неуязвимые. Совершенные — не значит правильные.

Совершенные — не значит счастливые.

Этой истории бы не было, если бы не родилась Эльза. И Эльза не родилась бы, если не вся эта история...

Цирховия. Двадцать восемь лет со дня затмения

Часы, висевшие в прихожей старого дома, размеренно отсчитывали время. Их ровный звук резко контрастировал с шумом стихии, которая бушевала за окном, то усиливаясь, то затихая. Всполохи молний освещали белую фигурку коня, вставшего на дыбы на часовой крышке, и притаившееся напротив него изящное серое тело волка, длинную резную стрелку, которая показывала на цифру десять, и короткую — всего в полушаге от цифры двенадцать. Алекс знал, что скоро пробьет полночь, не бросив и взгляда на циферблат. Так же, как чувствовал, что луна вошла в полную фазу, хоть и не видел ее из-за плотной завесы туч.

Тени прошлого замерли в темных углах жилища: нигде не горело ни свечи, ни лампы. Свежий ветер врвался в распахнутое окно, отбрасывая в стороны светлые шторы подобно крыльям огромной птицы. Брызги дождя попадали на лицо Алекса, его обнаженную грудь и тонкую спину девушки, примостившейся на коленях между его раздвинутых ног. Он сидел, откинувшись в кресле, положив руки на подлокотники и уставившись отсутствующим взглядом в ночную тьму, обрамленную оконным проемом. Брюнетка поживалась от очередной порции холодных капель, но дело свое знала, и ее голова поднималась и опускалась над его бедрами так же размеренно, как часовая стрелка отсчитывала секунды в прихожей.

Молния снова вспыхнула, обожгла глаза, и Алекс моргнул. Положил ладонь на затылок девушки. Та коротко всхлипнула, вбирая его глубже в свое горло. Умелая нонна. Ему нравились такие. Покорные с виду, отзывчивые на любое желание клиента. Эту он приглашал к себе уже в третий раз, третье полнолуние подряд, и пока что оставался доволен. И каждый раз большие сапфировые глаза нонны, обрамленные густыми и длинными ресницами, смотрели на него с почтением и обожанием.

Она проходила в комнату, легкими отточенными движениями сбрасывала с плеч светлое платье — прислужницы темного бога часто одевались как дарданианки — и склоняла голову в ожидании его выбора позы. У нее были округлые бедра со слегка розовой кожей на пухлых ягодицах, тяжелые, но упругие груди и очень мягкие губы. В первый раз Алекс взял ее сзади, и девушка дрожала, когда он зарычал, перебарывая рвущегося наружу в момент оргазма зверя. Но затем открылся ее настоящий талант по части владения язычком, и этот способ показался более безопасным им обоим.

Алекс усмехался, когда ловил ее взгляд на себе. Интересно, что думала юная прислужница темного бога, когда получала от своей окты приказ отправиться к бурому оборотню в полнолуние? Наверняка боялась, что он не сдержится и разорвет ее, но все равно шла, понимая, что не имеет права ему отказать — начальнику цирховийской полиции редко кто мог ответить «нет». Уж конечно не презренные нонны, благополучие которых целиком и полностью зависело от его доброго расположения духа.

Ему служили многие в этом городе, но никто не догадывался, что сам он подчиняется только одному человеку. И это совсем не канцлер Цирховии.

— Не спи, — приказал он девушке, и та послушно сжала губы и ускорила темп, вцепившись острыми алыми ноготками в его бедра и подтягивая себе навстречу так, что Алекс закрыл глаза и застонал в ожидании разрядки.

Стук в дверь они оба слышали не сразу. Первой вздрогнула нонна. Она приподняла голову и замерла, обратившись в чуткий слух, а Алекс выругался, помогая себе рукой. В

сердцах оттолкнул девушку. Прислужница темного бога тут же опомнилась, поползла к нему в ноги, целуя колени и потираясь о них щекой, тихим голосом вымаливая прощение. Он с раздражением протянул ей липкую от семени ладонь.

— Ты знаешь, что делать.

Нежным, слегка шершавым язычком она бросилась вылизывать его руку. Усердию могли позавидовать самые прилежные дарданианки, которых, по слухам, ежедневно заставляли натирать полы в ледяных каменных монастырях крохотными бархатными подушечками. Поглядывая на Алекса из-под ресниц — сердится ли? — нонна поцеловала его запястье, поднялась к локтю, скользнула губами по груди, но когда потянулась выше, он отвернул ее лицо свободной рукой.

— Хватит.

Стук в дверь повторился. Алекс стряхнул девушку на пол, поднялся, безошибочно нашел в темноте домашние штаны и принялся одеваться.

— На сегодня все, майстер Одвик? — спросила она, плохо спрятав в голосе надежду.

Затягивая на поясе концы шнурка, Алекс задумался. Оргазм получился смазанным и почти не принес удовольствия. Пожалуй, четвертого приглашения эта нонна не дождетсЯ, если не сумеет исправить ситуацию.

— Не знаю. Еще не решил, — коротко бросил он и направился к дверям.

В прихожей остановился, прислушиваясь и принюхиваясь. И кого темный бог принес в такую непогоду?! Алекс почувствовал запах: тонкий, женский, показавшийся отчего-то знакомым. Это были не духи, не шампунь или не другое косметическое средство. Просто естественный аромат, исходящий от тех участков, где кровеносные сосуды близко подходили к коже, но ему вдруг стало не по себе от догадки. Запах этой женщины Алекс не перепутал бы ни с чем. К нему примешивались и другие — мокрой ткани, холодного тумана, чужих тяжелых мускусных шлейфов, похожих на оставленные отпечатки пальцев.

Волосы на загривке Алекса встали дыбом, и он рванул дверь на себя, едва не снесЯ «с мясом» замок. Ветер ударил его наотмашь, на миг ослепив и оглушив, обрушился на чрево темного дома, загулял в безжизненных стенах. Где-то в комнатах хлопнула рама неплотно прикрытого окна. Незванная гостьЯ стояла на пороге, засунув руки в карманы безразмерной мужской ветровки и опустив голову. Низко надвинутый на лоб капюшон полностью скрывал лицо, темные длинные волосы слипшимися сосульками спускались из-под него на грудь. Алекс опустил взгляд и увидел белеющие в полутьме голые ноги, обутые в грубые ботинки.

К горлу подкатил ком. Алекс стиснул дверную ручку, прочистил горло, ощущая, как бешено пульсирует кровь в висках.

— Здравствуй, Алекс.

Она подняла голову. Где-то наверху прогремел раскат, вспышка на миг осветила искусанные губы и горящие ненавистью глаза. Ноздри девушки тоже втянули его запах, несомненно различая на его коже прикосновения услужливой нонны, а на руках — последствия страсти с ней. Алекс почти физически ощутил, как она ненавидит его — до внутреннего протеста, до крика — и от этого стало больно, и зверь зарычал, требуя дать ему волю.

Он захлопнул дверь и прислонился к стене, откинув голову и тяжело дыша. Зачем она пришла к нему именно сегодня, в полнолуние? Зачем вообще явилась?! После стольких лет?! Хочет, чтобы у него снова снесло крышу и все повторилось? Он задыхался, как и раньше, думая о ней, представляя ее рядом с собой, под собой, и это безумие длилось слишком много

дней подряд, чтобы сейчас не выйти на волю.

В дверь снова постучали. В комнате, где осталась в ожидании приказа нонна, стояла гробовая тишина. Алекс знал, что прислужница темного бога по-прежнему сидит там, где он ее оставил: на коленях на полу, сложив руки перед собой и чутко прислушиваясь к каждому шороху. Алекс мог бы просто вернуться к ней, снова сесть в кресло и заставить себя выкинуть из головы неожиданную гостью. Но кого он обманывал? Не мог. Конечно, он не мог уже ничего, зная, что по другую сторону двери стоит женщина, один запах которой сводил его с ума.

Она как раз занесла руку, чтобы снова постучать, когда Алекс рывком распахнул дверь.

— Что тебе нужно, Эльза?

Напрасно он говорил сердито и выпячивал челюсть, желая напугать ее. Девушка опустила руку и спокойно ответила:

— Мне нужна твоя помощь.

— Помощь? От меня?! — он тряхнул головой и выглянул, чтобы убедиться: в округе спокойно, и за ними никто не наблюдает.

Дождь сразу же иссек тонкими плетями лицо. Вода в лужах казалась кипящей в свете одиноко торчавшего у ворот фонаря, ветви кустов в саду приникли к земле, постороннего присутствия не ощущалось. Пожалуй, хорошо, что Эльза выбрала такое время для визита. В непогоду даже плохой хозяин собаку на улицу не выгонит. Никто не заметит, что за гостья приходила к начальнику полиции среди ночи.

— От тебя, Алекс, — вздохнула она, с неохотой признавая свое бедственное положение.

Он посмотрел на Эльзу, все еще не до конца уверенный, что она в своем уме.

— Ты же понимаешь, что если Дмитрий спросит у меня о тебе, я не смогу соврать ему? А если ты в бегах, то именно ко мне придут с заданием тебя искать. Не думаю, что я — именно тот, кто тебе нужен.

— Тогда просто придумай, как уйти от вопросов моего брата! — с неожиданным жаром взмолилась она. — Ты — последний человек, к которому я обратилась бы за помощью, Алекс! Мне больше некуда пойти. Меня могут искать где угодно, но именно у тебя — в самую последнюю очередь!

Она просила его, сложив на груди руки так, как обращаются с мольбой к светлому богу, и в этом чудилась странная насмешка. Светлый бог отвернулся от него давным-давно, еще в момент, когда Алекс решил, что, продав себя Димитрию, сможет составить пару его сестре. Нужно было отказаться от нее раньше, тогда не пришлось бы делать этого теперь...

— Нет, — отрезал он и собирался закрыть дверь, но девушка успела навалиться всем телом и помешать.

— Они отобрали моего ребенка! — молния вспыхнула, и Алекс четко увидел, как по лицу Эльзы катятся слезы, большие и прозрачные, как талая вода, бегущая с дарданийских гор по весне. Он вспомнил, как она яростно кричала ему в лицо, что больше никогда не заплачет при нем, ни одной слезинки не уронит, чтобы не вздумал жалеть. — Они охотятся за мной!

Алекс не стал спрашивать, кто такие «они». Сейчас это было неважно. Скрипнув зубами, легко оттолкнул девушку, захлопнув дверь перед ее лицом второй раз за вечер. Босые ноги влажно шлепали по паркету, пока он возвращался в комнату к ожидавшей его нонне. Проклятый косой дождь! Промочил почти насквозь, стоило лишь немного постоять на пороге.

Прислужница темного бога с готовностью вскинула голову, заслышав шаги Алекса.

— Майстер...

— Убирайся, — он подошел к шкафу, открыл стеклянную дверцу, взял купюру, свернул ее и, проходя обратно, сунул в услужливо подставленную маленькую руку. — Скажешь окте, чтобы больше тебя не присылала.

На лице девушки мелькнул страх, но спорить она не решилась. Быстро подхватила одежду и накинула на голое тело. В каждом движении ощущалась сноровка. Опустив голову, нонна с виноватым видом посеменила в прихожую, изящно нагнулась, чтобы застегнуть вокруг бледных щиколоток ремешки туфель, до конца исполняя роль соблазнительницы, радующей глаз. Алекс обошел ее и открыл дверь, всем сердцем желая, чтобы снаружи уже никого не оказалось.

Эльза сидела к нему спиной на самой нижней ступеньке крыльца. Боком она прислонилась к перилам, засунула одну руку между голых коленей и согнулась в три погибели. Плечи мелко вздрагивали. Нонна, скользнувшая в дверной проем мимо Алекса, не могла видеть ее лица, но на всякий случай пробежала, держась как можно дальше, будто от прокаженной.

Он дождался, пока женская фигурка, перепрыгивая через лужи и пригибаясь под ливнем, достигнет ворот и растворится в ночной тьме. Где-то в конце улицы заурчал мотор таксокара, свет фар мазнул по стволам деревьев, затем стало тихо.

Тогда Алекс, не обращая внимания на хлеставшую по голым плечам и спине небесную хлябь, одним махом преодолел расстояние до нижней ступеньки, подхватил Эльзу на руки и понес в дом.

Цирховия. Шестнадцать лет со дня затмения

Май в тот год выдался дождливым. Редкая ночь обходилась без грозы, цветущие деревья растеряли с ветвей большую часть нежных лепестков, ливневка не справлялась с бегущими по тротуарам потоками грязи, что образовало в центре города небольшой потоп. В темпле светлого бога усердно молились, чтобы не смыло с полей будущий урожай, а канцлер с семьей отправился в Нардинию, поближе к горячему южному солнцу, которого уже так хотелось после долгой зимы.

Неудивительно, что в первый же погожий день люди высыпали на улицы, с недоверием поглядывая на безоблачное небо и ожидая от природы нового подвоха. Жаркие в преддверии лета лучи быстро высушили открытые участки земли, но там, где тень от деревьев была густой, еще пахло сыростью и стояла в лужах вода. Широкую вымощенную брусчаткой площадь перед Цирховийской высшей школой оглашали веселыми криками дети, радуясь, что наконец-то не приходится сидеть на перемене в четырех стенах.

Голоса звенели в чистом, омытом дождями воздухе и разносились так далеко, что без труда достигали самых отдаленных уголков величественного здания, словно хотели оживить и встряхнуть каменного старика. Черноволосая женщина, занимавшая кабинет директора школы, недовольно косилась на распахнутое окно и потирала виски. Из-за шума никак не получалось сосредоточиться на работе. Вступив в должность, она специально выбрала себе место на четвертом этаже, под самой крышей, подальше от основной школьной жизни, текущей бурным кровотоком по венам извилистых коридоров, но с наступлением теплого времени года спасения не было и здесь.

В дверь постучали.

Откинувшись в черном кожаном кресле и вытянув руки на столе, директор смерила взглядом резную деревянную поверхность, словно через нее хотела разглядеть визитера. Ее пронизательные темные глаза с длинными изогнутыми без помощи щипцов ресницами прищурились.

— Войдите.

Дверь отворилась, впуская одышливого мужчину с ярко-рыжими волосами, торчавшими в разные стороны. Его усы и брови, наоборот, были белыми как снег, а твидовый пиджак в мелкую клетку только подчеркивал тучность фигуры. Подмышкой гость держал портфель, другой рукой с зажатым в ней платком утирая со лба мелкие капли пота.

— Майстра Ирис, — согнулся, как мог, он в поклоне.

Ирис подавила желание сморщить нос, когда запах его одеколона долетел до нее через стол.

— Что вы хотели, дотторе Ворхович? Разве урок не начинается через... — она подняла руку, изогнутую в запястье, и опустила взгляд на часы, — ...две минуты?

— Да, да, — закивал тот, — но у меня больше нет сил терпеть. Я должен этим с кем-то поделиться. Недавно с десятым классом мы проходили движение небесных тел, и меня будто молнией поразило...

Ирис приподняла бровь и постучала по столешнице концом позолоченной ручки, выдавая нетерпеливость. Ворхович снова промокнул лоб.

— Астрономические ситуации всегда можно предсказать, — начал он, нервно расхаживая по кабинету, украшенному деревянными панелями и горными пейзажами кисти

дарданийских монахов так, будто метался на раскаленном железном поддоне в запертой клетке. — Как в будущем, так и в прошлом. Планеты движутся по своим орбитам, а не скачут в невесомости, как мячики. Поверьте мне, небесная механика — дело, которому я посвятил всю сознательную жизнь.

— И?

— Затмение, которое случилось шестнадцать лет назад, — дотторе остановился и в упор уставился на Ирис немигающим взглядом. — Вы должны его помнить. Его все помнят. Неразгаданная загадка, над которой бились лучшие умы нашей страны.

— Я его помню, — спокойно ответила она.

— Солнечное и лунное затмения, которые произошли друг за другом. Тень, которая держалась над Цирховией целые сутки. Это ведь невозможно!

— Я не астроном, — она послала ему мягкую извиняющуюся улыбку, — моя специализация — изящная словесность. Никак не точные науки. Я даже не дотторе, в отличие от вас. Так чем я могу помочь?

Ворхович моргнул.

— Не знаю... я не знаю! — в отчаянии заломив руки, он снова бросился метаться по комнате. — Я просто подумал, что должен с кем-то поделиться, а вы всегда с пониманием относились ко всем нашим проблемам...

Внезапно мужчина остановился и уронил портфель к ногам с видом обреченного человека.

— В общем, слушайте. Я думаю, что движение планет здесь вообще ни при чем. Затмение случилось не потому, что одно небесное тело загородило другое. Это был ритуал. Из тех, о которых не говорят вслух. Даже в темпле темного бога вам о нем не расскажут, — дотторе встрепенулся и замахал руками, — не спрашивайте, как я проник туда. Вам надо знать одно: я получил доступ к древним рукописям, сокрытым в подвале главного темпла. Изучил еще не все, но главное, что понял: в тот день, шестнадцать лет назад, кто-то принес темному богу кровавую человеческую жертву. И бог ее принял.

Прозвенел звонок.

Ирис медленно отложила ручку в сторону. Она поднялась из кресла, краем глаза отметив, как действует на гостя вид ее фигуры с пышной высокой грудью, затянутой в шелк белой блузы, и крепкими ягодицами, подчеркнутыми строгой серой юбкой-футляром. Откинув густую копну волос, Ирис подошла к окну и остановилась там спиной к собеседнику. Положив одну руку на раму, она посмотрела во внутренний двор школы, где на покрытом молодой травой футбольном поле тренер начинал урок физической культуры.

Ученики выстроились в линию, вытянули руки по швам и слушали краткий инструктаж перед занятием. Высокий статный блондин, майстер Ингер, расхаживал перед ними. Его длинные, до плеч, волосы были собраны простой резинкой на затылке, футболка обтягивала крепкую грудь, подчеркивая развитые мышцы, а синие шорты до колен открывали мускулистые икры, покрытые мелкими светлыми волосками.

Он был породистым жеребцом, этот майстер Ингер. Ирис невольно облизнула губы, вспомнив, как в самом начале учебного года без тени сомнения приняла его на работу, стоило лишь взглянуть в небесно-голубые, с поволокой, глаза. Потом, через пару недель, она задержалась после окончания трудового дня, наполовину вынужденно, наполовину умышленно, и так же стояла у окна, наблюдая, как он разминается на траве и бегаёт по кругу.

Тогда их взгляды встретились. Через десять минут Ирис уже сидела на своем столе с

задранной до талии юбкой, а ее руки скользили по мокрой от пота мужской спине, пока еще разгоряченный после тренировки майстер Ингер насаживал ее на свой раздутый от возбуждения член. Ее восторженные крики разносились далеко по коридорам, к счастью, уже опустевшим.

Он был моложе ее лет на пятнадцать, и Ирис поняла, какое же это особое наслаждение — получать горячее, сильное, полное желаний тело, способное без устали долбить ее до тех пор, пока сама не запросит пощады. Разница в возрасте не смущала, Ирис выглядела великолепно и знала это. Зачем тратила лучшие годы на унылого любовника, в итоге разбившего ей сердце, когда могла провести их вот так, в столах и судорогах оргазма, приносящего чистое удовольствие и ничего более?

После того безумного секса они с майстером Ингером по молчаливому согласию больше не делали попыток сближения, но теперь Ирис почувствовала, что неплохо бы все повторить, успокоить расшалившиеся нервы и вновь обрести ясность ума.

Мужчина как раз поднял голову и заметил ее в окне. Ирис постояла еще две секунды и решительно отвернулась.

— Так каким образом, по-вашему, случилось затмение, дотторе?

— Жертву принесли в обмен на какое-то желание, — оживился тот, — если учесть, что ритуал сложный и рискованный, значит, желание тоже было глобальное и практически невыполнимое.

— Например, чья-то смерть?

— Скорее, массовая. Или проклятие. Проклятие всего рода с установлением определенной программы для выполнения. Например, по достижении восемнадцатилетия все мужчины в семье будут умирать от воспаления легких или что-то в этом духе. Знаете, как делают ведьмы в запрещенных темплах?!

— Не знаю, — Ирис пожала плечом, — в Цирховии нет запрещенных темплов, хвала нашему канцлеру. Темному богу разрешено поклоняться, пока это остается в рамках безобидного верования.

— Но они есть! — едва не захлебнулся слюной дотторе. — Есть! Где-то под землей, в тайных переходах, в дремучих лесах, даже в горах Дардании! Они где-то есть... кто-то же узнал про ритуал и провел его. И в момент, когда темный бог ниспослал на этого человека свою так называемую «благодать», над Цирховией образовался такой плотный сгусток темной энергии, что он, как черная дыра, поглотил в себя и солнечный, и лунный свет. Вот что это было. Вакуум, затягивающий в себя все на пути. И мне страшно от мысли, что вся наша страна рано или поздно будет накрыта этим вакуумом, если мы...

Ирис подняла руку и щелкнула пальцами, оборвав собеседника на полуслове. Тот замер, глаза оставались широко распахнутыми, рука с указательным пальцем, вздернутым к потолку, зависла в воздухе. Края зажатого в кулаке платка — вопреки всем законам гравитации — остались висеть параллельно полу, как было при взмахе. Даже слова, казалось, окаменели на языке.

Она неторопливо обошла дотторе по кругу. Поправила воротничок пиджака, брезгливо смахнула с плеча крохотные волоски. Затем потянулась к столу, сняла с магнитной подставки канцелярскую булавку и точным движением уколола себе большой палец. Отбросив булавку обратно, Ирис встала за спиной визитера и приложила подушечку с налившейся каплей крови к затылку жертвы. Опустила голову и забормотала глухим грудным голосом непонятные уху стороннего наблюдателя слова, одновременно выводя на шею Ворховича

замысловатую руну.

Длинная линия шла вдоль позвоночника снизу вверх, наверху изгибалась и волнообразно падала обратно. Справа, у самой кромки рыжих волос, появилась точка. От середины основной оси отошла еще одна линия, образуя полукруг и уходя влево.

Закончив, Ирис сунула палец в рот и отступила на шаг, любясь результатом. Ее кровь тут же впилась в кожу жертвы, не оставив и следа. Дотторе продолжал стоять, подобно ледяной фигуре, которую строят зимой для потехи. Женщина наклонилась, открыла его портфель, перебрала бумаги. Нашла несколько листков, исписанных неровным почерком, пробежала их взглядом, затем мелко порвала, а клочки сожгла на серебряном подносе для фруктов, который стоял на подоконнике. Только выполнив все это, Ирис снова щелкнула пальцами, оживляя собеседника.

Дотторе встрепенулся и закашлялся в платок. Его лицо покраснело от дыхательных усилий. Смущенно подняв взгляд, он поморгал и переступил с ноги на ногу.

— Майстра Ирис... — мужчина огляделся, — простите... не могу вспомнить, как тут оказался... что-то неважно себя чувствую.

— Вы пришли сказать, что неважно себя чувствуете, — с охотой подсказала она, — и отпроситься с сегодняшних занятий. Идите, дотторе. Я вас отпускаю. Только предупредите классы, а лучше — скажите дежурному преподавателю, чтобы нашла, чем их занять. Поспите, примите таблетку от головы. Вы нужны нам здоровым.

Ворхович рассыпался в благодарностях и поклонах и, явно растерянный, удалился. Ирис снова подошла к окну, подставила лицо свежему ветерку, врывавшемуся в кабинет. На поле играли в мяч. Блондин активно участвовал в роли судьи, бегая вместе с детьми и часто оказываясь в центре событий. Губы Ирис изогнулись в улыбке, когда он наклонился, чтобы подобрать мяч, и его ягодичы резко обозначились под шортами.

Внезапно ее внимание привлекли две фигуры, семенившие по краю поля в сторону летних душевых. Тренер, увлеченный игрой, не замечал их. Ирис перестала улыбаться и бросила взгляд на часы. Уже десять минут после звонка. Сбежали с урока, значит. Она прищурилась, разглядывая девушек в накрахмаленных блузках и строгих юбках. Ту, что была повыше, она узнала с первого взгляда. Несмотря на свои шестнадцать, в Эльзе уже чувствовалась стать ее рода. Ирис смотрела на разворот ее плеч, походку, темные волосы, блестящей волной струившиеся до самой поясницы, но перед глазами стояло другое лицо. Мужское, широкое и скуластое, с благородным профилем. Лицо отца этой девчонки. Они все были красивыми. Проклятые белые волки, все как на подбор. Подруга, которая шла рядом с Эльзой, тоже была из белых волков, но из другой семьи. Тоже брюнетка, только пониже ростом, с более оформившейся грудью и округлой фигурой.

Элита Цирховии. Глядя на них, Ирис невольно сжала кулак и впила ногтями в ладонь. Но затем ее лоб разгладился и взгляд прояснился. Ждать уже недолго. Скоро. Скоро она получит свой триумф.

Цирховия. Шестнадцать лет со дня затмения

Уже шестнадцать лет подряд Ольга чувствовала себя искренне счастливой. У нее имелось все, о чем только может мечтать любая нормальная женщина: сильный и заботливый муж, крепкая семья, двое... ну ладно, трое чудесных детей. Даже теперь, когда ее младшие — Эльза и Кристоф — подросли, Ольга любила ранним утром тихонько заглядывать в их комнаты, чтобы полюбоваться мирно спящими в своих постелях кровинушками. К Димитрию она не заходила никогда, но это не отменяло факта, с которым приходилось смириться, чтобы не омрачать безмятежное счастье: он оставался ее сыном тоже.

Утро матери семейства начиналось еще до восхода солнца. Ольгу с детства готовили именно к такой жизни — быть хозяйкой большого дома, управлять штатом слуг, при этом не забывая о светской жизни, поддерживать и укреплять репутацию мужа среди знакомых и друзей их круга — поэтому распорядок ее дня отличался не меньшей четкостью, чем деловое расписание супруга.

Первым делом, поднявшись с постели, еще в ночном облачении она сидела на балконе и пила кофе, наслаждаясь тишиной погруженного в сон особняка. Иногда курила, но редко и немного, чтобы муж не учуял. Это время посвящалось только ей самой, никто не имел права трогать или мешать. Впрочем, никому и в голову не приходило этого делать: решив однажды наслаждаться своим счастьем, Ольга научилась выбирать подходящие моменты и ограждать себя от любых случайных неприятностей.

Затем, вымыв за собой чашку, она тратила ровно двадцать минут на то, чтобы привести себя в порядок. Это молодым девчонкам, еще не знающим особенности своего лица и тела, требуется куча времени, чтобы умыться, причесаться и накраситься. Все движения Ольги были отточены и доведены до автоматизма благодаря опыту прожитых лет. К тому же благородная кровь давала о себе знать, и с годами черты почти не поплыли, так что косметики требовалось совсем чуть-чуть. Уложив гладкие черные волосы в тяжелый узел на затылке, она позволяла себе провести десять минут в гардеробной, выбирая наряд, украшения, обувь и сумку в тон.

Приготовив вещи, одеваться Ольга не торопилась. Вместо этого спускалась вниз на кухню, где доходило поставленное с вечера тесто. В особняке, конечно, служила кухарка, но прикасаться к выпечке ей запрещалось строго-настрого. Так приучили Ольгу с детства: даже женщина ее кровей должна уметь все делать своими руками и всегда оставлять хоть какую-то обязанность за собой, не подпуская к священнодействию прислугу. Это позволяет держать себя в тонусе и лишний раз напоминает супругу, какая необыкновенная у него жена.

Выпечка в их семье каждый день была свежей. Ольга готовила много, с размахом, не жалея продуктов. Хотела, чтобы у мужа и детей был выбор, желают ли они сегодня сладкого пирога с медом и ягодами или предпочтут румяные слоеные пирожки с грибами и картофелем? А может, маковый рулет? Ольга могла самозабвенно трудиться несколько часов, ее маленькие руки с ловкими пальцами порхали над засыпанным мукой кухонным столом. Потом, пока все выпекалось, она поднималась вверх, чтобы одеться и, дыша ароматом духов и свежестью, разбудить супруга нежным поцелуем.

Виттор по утрам был хмур, а дети капризничали и не желали вставать, но в такие моменты Ольга лишь улыбалась и напоминала себе, как ей повезло, в отличие от многих

других бедных женщин, лишенных семейного счастья.

Затем они сидели в столовой и завтракали, попивая терпкий чай из тонкого фарфорового сервиза. Как правило, вчетвером, без старшего сына, который жил по своему, особенному распорядку жизни и будто специально игнорировал домашних. Так было даже лучше, при Димитрии за столом бы царила напряженная, нервная атмосфера, а кому нужно такое начало дня?!

Наконец, младшие дети уходили в школу, супруг спешил по делам, а Ольга собирала со стола остатки выпечки и приказывала кухарке упаковать их, чтобы отвезти в качестве пожертвования в сиротский приют. Пока готовили сверток, она давала указания экономке, намечала работу по дому на день, говорила, что нужно вычистить, а что — отмыть и в какой срок все приготовить на проверку.

И вот наступал волнующий момент выхода из дома. Кто из знакомых встретится на этот раз? Нет, Ольга никогда не ходила по улицам пешком, не зря ведь муж обеспечил ее каром и личным водителем. Но сидя на заднем сиденье, она всегда придвигалась ближе к окну и опускала стекло, чтобы все видели — едет счастливая и успешная женщина. Она не мать монстра, что бы там ни твердили злые языки. Чудовища рождаются у совсем скатившихся на дно жизни и недостойных уважения особ, а Ольга не такая, с какой стороны ни погляди. Ей просто... немного не повезло со старшим сыном.

Хотя нет, нельзя так говорить, нельзя даже думать! Ей повезло, очень повезло. Она была счастливницей с самого рождения! Ее родители происходили из древнего и знатного рода белых волков, в ее будущее вложили очень много. Еще девочкой Ольга загадала, что выйдет замуж только за самого красивого и достойного из мужчин. О подобном мечтают все, но как часто это сбывается?!

А вот у нее, Ольги, сбылось. Виттор тоже был волком, и семья у него была подходящая: слегка обедневшая, но тоже очень и очень знатная. И пухлая хохотушка Оленька, таскавшая из отцовского кабинета сигары для своих многочисленных поклонников и прослывшая душой компании, не могла ему не приглянуться. Он же, высокий, статный, покорила ее с первого взгляда. Ольга сразу поняла, что именно этот мужчина ей и нужен. Только он и станет отцом ее будущих детей, а детей ей всегда хотелось много — не меньше трех. И чтоб все были красивые, в супруга.

Ну и что, что у него не случилось привязки к ней — эти глупые инстинкты давно стоило забыть, как ничем не оправданные суеверия. Ольга вот сама вообще не представляла, что такое «привязка». Он считал ее симпатичной, она уже мысленно подбирала кольцо на палец. Разве требовалось что-то еще?!

Ольга топнула ножкой и показала пальчиком на избранника. Виттор с вежливой улыбкой перестал реагировать на знаки внимания других девушек. Их отцы закрылись в кабинете, выпили бутылку коньяка и выкурили полкоробки сигар — и молодые поженились.

Правда, по собственной глупости Ольга чуть все не потеряла. Да, ее учили вести дом и заботиться о муже. Но о том, что мужчинам так часто и так много требуется секс... никто не рассказал. Родив первенца, она с ледяным аристократическим спокойствием дала Виттору понять, что пока они не задумаются о втором ребенке, приставать к ней не нужно. Заниматься «этим» стоит лишь для продолжения рода, разве не так?! В их семье всегда царили забота и уважение к желаниям друг друга, поэтому настаивать он не стал. И Ольга жила в своем маленьком уютном мирке, самозабвенно ухаживая за сыном и даже радуясь, что муж настолько занятой и важный человек, что приходит поздно, уставший, с

благодарностью ест ужин и тут же отправляется спать.

А потом как гром среди ясного неба — письмо. Белый конверт принес садовник, который и сообщил, что его подсунули под кованые ворота особняка, оставив прямо на подъездной дорожке. У Ольги, словно в предчувствии беды, екнуло сердце, и затряслись руки, пока она надрезала перочинным ножом плотную, дорогую бумагу. Внутри оказалось несколько фотографий, на которых Виттор без какой-либо одежды спал в объятиях обнаженной женщины. К ним прилагалась записка: «У вашего мужа есть любовница и побочный сын. Если хотите — давайте встретимся и обсудим подробности». И адрес.

Ольга не хотела.

Она дотемна просидела в спальне, в нарушение всех правил этикета прихлебывая вино прямо из горлышка бутылки и сухими воспаленными глазами разглядывая каждую крохотную деталь на фотографиях. Та, другая, женщина была красивой. Ольга не могла понять, то ли ей льстит, что муж предпочел выбрать любовницу, так внешне не похожую на супругу, то ли это ее огорчает. В противовес ее всегда пышной груди, ставшей после родов еще больше, соперница обладала округлым, но более скромным бюстом. Ольга никогда не стеснялась своего небольшого животика, который, впрочем, умело маскировала под одеждой, а талию избранницы мужа можно было обхватить двумя руками. Разница в ширине бедер тоже бросалась в глаза.

Гораздо позже, с годами, она, конечно, поняла, что это было хорошо: Виттор не искал ей замену, а просто увлекся чем-то новым, как дети тянутся за привлекательной яркой игрушкой. Но тогда ей стало страшно всерьез.

О содержании письма Ольга не сказала никому ни слова. Держала все в себе, все так же встречала мужа по вечерам и провожала утром. Мучилась и не знала, как поступить. Даже похудела, что вообще ей было несвойственно: она презирала диеты, считая, что и так достаточно хороша.

Наконец, Ольга не выдержала и призналась одной-единственной лучшей подруге. Просто сдали нервы от бесконечных напряженных раздумий. Вопрос встал ребром: семья дороже всего, и разрушить ее смерти подобно, но вот как сохранить?!

Тогда-то и прозвучал роковой совет. Услышав его, Ольга еще долго бледнела и мотала головой. Попросить у темного бога? Помолиться, чтобы муж вернулся в семью? Разве это поможет? Разве не лучше пойти в храм светлейшего? Нет, не поможет?! Там только скажут, что нельзя держать, нужно отпустить, и если суждено, то все само вернется?! Но как же отпустить, когда подрастает Димитрий, и притирка уже давно прошла, и вообще, когда они с Виттором редкими вечерами сидят вдвоем у камина и просто держатся за руки, Ольгу не отпускает ощущение, что так и должна выглядеть настоящая семья?!

Подруге она ответила резко, а потом со временем и вовсе прекратила с ней всякое общение. Очень уж обиделась на такое предложение. Всем известно, что в храмах темного бога водятся всякие твари, падшие существа и прочие отбросы общества. Ей, белой волчице, аристократке, связаться с такими?! Да ни за что!

Ответить-то ответила, но вот проблема никуда не делась. Виттор перестал ночевать дома и все больше отдалялся от семьи. А ведь там, на стороне, еще существовал какой-то сын. Чем ему свой плох? Ольга дергала мальчика, старалась научить его и манерам, и этикету, и индивидуальные занятия с педагогами ему устраивала, и на тренировки отдала. Он должен был расти всесторонне развитым, самым лучшим и замечательным, чтобы отец гордился. Димитрий, как назло, отбивался от рук, капризничал, ленился, но все-таки, мало-

помалу, приобретал и образование, и осанку, и правильное чувство стиля.

Все напрасно — Виттор почти не замечал, какую гигантскую работу проделала жена. Изредка мог похвалить, и на этом все заканчивалось.

Незаметно для самой себя Ольга начала пить вино целыми днями и перестала выходить из дома. Ее тщательно выстроенный по кирпичику мир рушился на глазах. Весь смысл ее существования был в семье, без семьи не стало бы и самой Ольги. Она не видела себя разведенной обеспеченной женщиной с ребенком, хотя семейное наследство подобную жизнь позволяло, не допускала и мысли о повторном браке. Она выходила замуж раз и навсегда, варианты не предусматривались.

Дойдя до грани, за которой ее ждало что-то по-настоящему жуткое, Ольга поняла, что так больше нельзя, собралась и поехала в храм темного бога. Вспоминая позже тот момент, она гадала: почему не решилась сразу? Зачем тянула столько времени? Тряслась как осиновый листок, когда в первый раз переступила порог и вошла внутрь. Глупая. Именно там ее научили быть по-настоящему счастливой. Пусть она и не видела под черной маской лица того мужчины, и знала, что никогда и не увидит, зато он обстоятельно и подробно разложил все по полочкам для нее. Описал каждый шаг, и что за чем нужно делать.

И Ольга сделала. Она пошла на все, потому что безликий мужчина сказал, что должна пойти. Пусть это претило ее аристократическому вкусу и воспитанию, пусть ей не суждено было полюбить секс и, отдаваясь мужу, она только изображала страсть и удовольствие, на самом деле мысленно составляя план дел на завтра или обдумывая рецепт нового пирога, зато каждое слово ее загадочного помощника оправдалось.

Супруг вернулся в семью и, похоже, разорвал все отношения на стороне. Ольга забеременела сразу двойней и родила здоровых детей. Пусть где-то там и оставался какой-то отпрыск, но тут, в законном браке, их стало целых трое! Домашний очаг снова наполнился любовью и радостью. Безликий мужчина приказал ей быть счастливой, любить себя и благодарить темнейшего за любую мелкую приятность, а на неприятности не жаловаться, и Ольга строго выполняла это указание изо дня в день.

Поэтому она так тщательно избегала в обществе любых разговоров о старшем сыне или отделялась ничего не значащими фразами, ловко переводя тему в безопасное русло. Поэтому, сталкиваясь с Дмитрием в те редкие моменты, когда он оказывался дома чуть раньше глубокой ночи, Ольга улыбалась, стараясь скрыть омерзение и ужас. В отличие от нее, сын даже не трудился притворяться, что между ними есть какие-то родственные чувства, и, глядя в его холодные как лед серебристые глаза, Ольга поражалась, откуда в нем столько злобы, ненависти и тьмы.

По-своему она любила его. Не могла не любить хотя бы потому, что долгих девять месяцев носила под сердцем и считала частичкой себя. Но Дмитрию не нужна была ее любовь. Ему никто не был нужен. Когда она окончательно это поняла? В какой момент осознала, что представления матери о собственном ребенке не всегда соответствуют истине?!

Ольга точно знала, когда. Она помнила тот день до мелочей, и именно с него начались и омерзение, и ужас, и понимание, что ей всегда придется жить с увиденным. Конечно, тревожные звончки звучали и раньше, но Ольге удавалось находить им объяснение. Она твердила себе, что он маленький, он еще ничего не понимает, это игра, наверняка ребенок помнит, как нервничала мать, когда отец отдалялся от семьи, и таким образом выражает свои переживания. Но другой голос, тихий и пробирающий до мурашек, шептал в ее голове, что

Димитрий — не такой, как остальные дети. Он неправильный. Ненормальный. В их семье никогда не было ненормальных. И неправильных тоже не было. И, конечно, никто не поступал так, как он.

В тот день она возвращалась из поездки по магазинам. Младшие дети оставались с проверенной няней, и Ольга не особенно беспокоилась за них и не торопилась, заехала по пути в храм, который продолжала посещать даже после того, как все в семье наладилось. По прибытии домой водитель остановился у ворот и замешкался, удивленный, что никто не открывает, и тогда какое-то шестое чувство будто подтолкнуло Ольгу вскочить с места и устремиться в калитку.

Первым делом она споткнулась обо что-то мягкое. Опустила взгляд... и не смогла даже закричать. Садовник — точнее то, что от него осталось — лежал прямо на дорожке. Похоже, он хотел выбежать на улицу... но ему не дали... догнали и растерзали на месте...

В своей жизни Ольга оборачивалась лишь один или два раза, и то девочкой, из любопытства. Магия родовой крови хранила всех белых волков, и они не зависели от полнолуния, не страдали звериными инстинктами. Они всегда оставались людьми, просто стоящими на более высокой ступени развития, чем остальные. Но оборачиваться все же могли. По желанию. И даже имея скудный опыт по этой части, Ольга не сомневалась: старого садовника растерзал оборотень, быстрый, сильный и безжалостный.

Она слышала, как дрожащим голосом выругался водитель, и вскинула испуганный взгляд на дом, безмятежно ждавший ее в глубине сада. Дети. Ее сердце забилося так сильно, что стало трудно дышать. Едва не поскользнувшись в луже крови, Ольга бросилась бежать к дверям так быстро, как только могла. Она ворвалась внутрь и обмерла, прижимая руку к груди.

Они все были мертвы. Алые брызги и изуродованная плоть. Ее дом, ее тихая семейная чаша, стал огромным склепом, наполненным телами. Забыв от ужаса саму себя, Ольга бродила из помещения в помещение, находя прислугу на своих местах: кухарку с помощницей — на кухне, прачку — в хозяйственных комнатах, молоденьких девушек-уборщиц — в гостиной, библиотеке и на лестнице. Она не сомневалась, что ее дети тоже разделили эту страшную участь. Хотелось упасть и выть от бессилия, от обрушившегося страшного горя и очень не хотелось увидеть, во что превратились ее малыши. Казалось, такое зрелище ей точно не выдержать.

Ольга даже не задалась вопросом, куда делся убийца и кто он такой. В странном ступоре она опустилась на ступеньку лестницы, прямо рядом с распластавшейся вниз головой служанкой, чей белый фартук насквозь пропитался темно-красной кровью с остро щекочущим ноздри запахом. Тогда-то и послышался монотонно повторяющийся стук. Ольга подняла голову и прислушалась.

Звук исходил с верхнего этажа, где располагались спальни. Повинуясь порыву, она вскочила и побежала туда, но уже в коридоре остановилась как вкопанная. Димитрий, совершенно голый и покрытый чужой кровью, стоял, прислонившись лбом к двери в детскую, и ударял по ней кулаком. Поднимал руку, с каким-то исступленным бессилием опускал на уже треснувшую в середине панель и ронял вниз, чтобы снова начать сначала.

Он обернулся, догадалась Ольга. Ее старший сын в зверином обличье истребил всех людей в доме, а когда выбился из сил, вернулся в человеческий облик, так и не добравшись до младших. И словно читая ее мысли в тот момент, Димитрий повернул голову и посмотрел на мать, и его глаза на забрызганном бурыми каплями лице показались ей не серебристыми,

как обычно, а полностью черными. Ольга вздрогнула и, кажется, кричала, звала на помощь, а он просто стоял и смотрел на нее с таким видом, будто там, внутри него, находился кто-то другой, и этот другой смертельно ее ненавидел.

Младших детей с перепуганной нянькой действительно обнаружили живыми, кое-как разобрав дверь, забаррикадированную первой попавшейся под руку утварью. Возможно, только это укрепление и спасло им жизнь. Женщина поседела на полголовы и не могла связно говорить, малыши с круглыми глазами пытались понять, что творится вокруг. Примчавшийся Виттор схватился за голову. Он долго разговаривал с полицейскими, щедро угощал их сигарами и много курил сам. С потемневшим перекошенным лицом подписывал какие-то бумаги. Ольга наблюдала за супругом в дверной проем, пока стояла в коридоре. Мимо сновали люди в форме, некоторые неосторожно толкали ее на ходу, извинялись, но она не замечала.

Потом муж, тяжело поднявшись из-за стола, пошел к выходу, попутно вытягивая из петель пояса кожаный ремень. В неосознанной попытке защитить Ольга двинулась следом, догадываясь, что будет. Димитрий ждал в соседней комнате, там, где ему приказали оставаться, просто безучастно стоял посередине. Зарывав, Виттор с размаху хлестнул его прямо по лицу, и от звука удара Ольга вздрогнула, как будто получила его сама. Толстая металлическая пряжка рассекла щеку сына, показалась кровь, первая его собственная среди уже впитавшейся в кожу чужой. Димитрий не дернулся и не вскрикнул, он продолжал стоять, и во взгляде почудилось облегчение.

Облегчение?! Она ждала его оправданий, раскаяния, признания вины, даже слез, ведь ее сын оставался ребенком, подростком, несмышленным мальчиком, который наверняка заигрался, проверяя свои звериные возможности, и приготовилась уже заступаться за него перед мужем и упрекать того в чрезмерной суровости, а Димитрий испытал лишь облегчение, как будто жаждал этой боли!

Ольга старалась больше не думать об увиденном, не вспоминать, каких усилий ее семье стоило замять тот кошмарный случай. Пришлось даже подключать отцовские далекие родственные связи с канцлером. С каким трудом им удалось нанять новую прислугу, и как люди боялись идти на службу в их дом даже за большие деньги! Какими косыми взглядами и шепотками провожали Ольгу знакомые! Она знала, что со временем в обществе все, конечно, забудется, и приложила массу усилий, чтобы это случилось быстрее.

Но от себя ведь не убежишь. И от своей семьи тоже.

Хорошо, что безликий мужчина в темпле темного бога по-прежнему оказывал ей поддержку. С визитами Ольга старалась не частить, ездила туда раз в две-три недели по пути в сиротский приют. Оба здания находились в одном районе — за площадью трех рынков, в изгибах грязных и бедных улочек, таких узких, что по ним можно было передвигаться только пешком — и в этом ей тоже повезло. Меньше ненужных вопросов и подозрений, когда приходится покидать кар.

Обычно Ольга просила водителя остановиться перед старым парком, заросшим вековыми дубами, посаженными еще рукой прадедушки нынешнего канцлера. Подхватив с сиденья сверток с выпечкой, она беззаботно шагала по вымощенным красным булыжником дорожкам, не оглядываясь и делая вид, что любит этот путь за возможность немного подышать свежим воздухом. На самом деле ей хотелось быстрее скрыться из вида за густыми зарослями кустов. Там Ольга сворачивала к площади, с одной стороны примыкающей к парку. Затеряться среди заваленных товаром прилавков и разношерстной толпы уже не

составляло труда.

Через площадь Ольга пробиралась быстро, стараясь, чтобы запахи немых тел, нардийских специй, «свежей» рыбы с побережья, доставленной еще позавчера, свиных потрохов и прелого дешевого вина не осели на волосах и одежде. В холодное время года она чувствовала себя более уверенно, закутываясь в длинный плащ и укрывая голову объемным капюшоном, в жаркое — приходилось опускать глаза и стараться не привлекать внимания.

Наконец, преодолев площадь, она нырнула в переулок, откуда до желанной цели ее отделяло два квартала. Оборванные псы, чужавшие запах пирожков даже через плотную вощеную бумагу, обычно бежали за ней, нищие, подпиравшие стены зданий, оживали и тянулись к благородной лаэрде, вымаливая милостыню, но здесь ей всегда становилось легче, потому что основная часть пути уже оставалась позади.

Темпл темного бога стоял на перекрестке пяти дорог и был не выше прочих домов в округе, со своими витражами из черного стекла и двумя острыми башнями наверху, где в открытых со всех четырех сторон арках виднелись массивные колокола. Только однажды Ольге довелось услышать, как в эти колокола звонили, и тогда ей показалось, что от гулкого низкого звука, рокотом пробирающегося в уши и растворяющегося где-то в голове, вибрируют и звенят все внутренности, а сердце словно кто-то сжимает ледяной рукой. Тогда ей еще подумалось, как же небольшое с виду здание дает такой резонанс, но позже она узнала: стены круглого темпла идут не вверх, к небу, а вниз, под землю, и построены они так, чтобы усиливать и отражать звук подобно трубе. И мало кто по-настоящему знает, на какой глубине хранятся истинные секреты этой обители.

Ольга не принадлежала к знающим, далеко в недра темпла ее не пускали. Обычно, войдя, она некоторое время благоговейно ждала в главном зале. В утренние и дневные часы там редко бывали посетители, и опасность нежелательной встречи со знакомыми сводилась практически к нулю. Просторное помещение с гигантской колонной в центре освещалось лишь трепещущими от движения воздуха огоньками в масляных плосках и лучом света, падавшим из открытого проема в высоком потолке. В непогоду вместе со светом сюда попадал и снег, и дождь, но истинных обитателей темпла это не смущало. Огоньки жили повсюду — на полу вдоль стен, на самих стенах и даже в выступах щербатой колонны — но Ольга ни разу не видела, чтобы кто-то поправлял их или менял масло. Казалось, они горят здесь столько, сколько существует мир, сами по себе.

В темпле всегда приятно пахло. В первый раз Ольга даже удивилась, ожидая, что запахи рыночной площади неминуемо напомнят о себе и в таком месте. Но нет. Тут витали ароматы мыла, увядших цветов и сгорающего масла. И было тихо. Так тихо, что, прислушавшись, она могла различить шорох ветра на крыше и легкое потрескивание пламени на льняном фитиле. Странно, ведь за стенами продолжали жить своей жизнью бойкие грязные улицы, полные горластого сброда.

Иногда к шорохам и треску добавлялись еще звуки легких шагов. Неуловимые бестелесные тени с распущенными по плечам волосами и в длинных белых платьях скользили в полумраке. В свое время Ольга поразились, сообразив, что нонны одеваются как дарданианки, но постепенно привыкла, а когда узнала, что каждая из этих девушек готова за определенную плату оказать не менее определенные услуги, стала посматривать на них с тайным интересом.

Получают ли они удовольствие от своей работы или выполняют ее механически, без души? И если получают, то как им это удастся? Каково это — каждый день заниматься

любовью с новым мужчиной, особенно чужим и незнакомым? Похоже ли это на ее, Ольги, собственные занятия с мужем? И пользовался ли ее супруг хоть раз услугами нонн?

На эти вопросы она, конечно, не находила ответа и размышляла над ними праздно, от нечего делать, пока ждала, когда же ее заметят те, кто должен встречать посетителей. Проявлять самой инициативу и звать кого-то тут было не принято, но Ольге даже нравилось ощущать себя крохотной и незаметной, стоять и наслаждаться ароматами и тишиной. Будто она растворялась в полумраке, теряла истинную личность и превращалась в совершенно другую женщину, покорную чужой воле.

Рано или поздно одна из прислужниц все-таки подходила. В первые визиты Ольга страшно смущалась и краснела, старалась держать лицо и не ронять достоинство и от этого смущалась и краснела еще больше, объясняя, зачем явилась сюда. Теперь ее уже узнавали и лишнего не спрашивали. Одна из девушек приближалась, смотрела Ольге в глаза, потом разворачивалась и шла в глубь темпла, и это означало, что нужно следовать за ней. В темных нишах висели ширмы, за каждой — открывалась лестница. Ольга спускалась за нонной на один пролет вниз. В комнате, освещенной все теми же масляными огнями, она молча отдавала сверток, сумку, снимала все украшения и разувалась, иногда чувствуя на себе насмешливый взгляд прислужницы.

Неужели эти распутные девицы догадывались, зачем она приходила сюда? Нет, этого не могло быть! Встречи с безликим мужчиной всегда проходили наедине, и он гарантировал, что все останется в стенах молельни, а у Ольги до сих пор не возникло необходимости сомневаться в его обещаниях. Нет, наверняка нонны просто в глубине души завидовали респектабельной лаэрде, чья одежда и обувь стоили как их месячное, а то и полугодовое вознаграждение за нелегкий и не всегда приятный труд.

Несколько раз, выходя из молельни, Ольга заставляла ту или иную девушку за поеданием выпечки из ее свертка. Прислужницы не краснели и не извинялись под ее строгим укоризненным взглядом, лишь с равнодушным видом заворачивали остатки еды обратно, но она ни разу так и не высказала упрека вслух. То ли жалела их, в основной своей массе тощих до прозрачной синевы, то ли побаивалась, в чем не решалась признаться даже себе. В любом случае, другие ее вещи не пропадали, а голодные сироты и так получали свои свертки каждый день.

Босая, с дрожащими от волнения руками, крепко сцепленными в замок перед собой, Ольга переходила в молельню. Здесь тоже требовалось подождать, и она безропотно ждала, лишь изредка поджимая пальцы озябших ног. Комната была небольшой, с голыми влажными каменными стенами и полом. Огоньки теснились по углам, давая лишь столько света, сколько необходимо, чтобы не расшибить себе лоб, делая три шага от тяжелой двери, которая всегда с грохотом задвигалась за спиной.

Ольга стояла, скользя взглядом по черным трещинам между темно-серыми камнями и слушая оглушительное биение собственного сердца. Она всегда волновалась, как в первый раз, но в последнее время начала ощущать и предвкушение. Такой силы, что хотелось кусать губы. Наверно, он специально томил ее ожиданием — Ольга не сомневалась, что безликому мужчине докладывали о приходе, стоило ей лишь переступить порог темпла. Но он лучше знал, как сделать ее счастливой, и сила его мудрости еще только открывалась перед ней.

Наконец, часть стены перед Ольгой сдвигалась в сторону, пропуская его. Не с тем грохотом, как дверь за ее спиной. Бесшумно. Он всегда входил бесшумно, заставляя ее замирать в восхищении от мысли, как искусно замаскирован ход и как тщательно смазаны

петли механизма, не говоря уже о мастерстве того, кто этот механизм создал.

Верхнюю часть лица и волосы мужчины скрывала маска с тканевым капюшоном. Блондин или брюнет — угадать невозможно, цвет глаз в полумраке не различить. Впрочем, Ольга боялась часто смотреть ему в глаза. Зато она могла любоваться его губами, в меру полными, очерченными так, что казались высеченными из камня. На подбородке и нижней челюсти мужчины она никогда не видела щетины или хотя бы намека на небритость. Обнаженный, тоже без единого волоска торс мягко поблескивал на свету, от чего сам безликий походил на ожившую скульптуру. Кожа выглядела золотистой, хотя Ольга догадывалась, что это лишь игра пламени, а на самом деле она белая, как алебастр.

Кожаные штаны низко сидели на бедрах безликого и плотно обтягивали их, подчеркивая внушительную выпуклость между ног. Ольга честно старалась не смотреть туда — ну чего взрослая замужняя женщина там не видела? — но все равно смотрела украдкой и корила себя за постыдное желание прикоснуться к нему, потрогать, приласкать. Этот загадочный мужчина рождал в ней странные желания. Конечно, она много раз ласкала Виттора, повторяя заученные и доведенные до автоматизма движения, но только здесь, в этой небольшой подземной молельне ей по-настоящему хотелось чувствовать горячую бархатистую твердость в своей ладони и мускусный слегка солоноватый вкус на языке.

— На колени, волчица! — приказывал он тихим голосом, который не отражался от стен, и Ольга падала, как подкошенная.

Не чувствуя боли от того, что ударилась о каменный пол, она задирала голову, ожидая нового вопроса или приказа. Все мысли испарялись, все проблемы и огорчения отходили на второй план. Существовал только безликий и это сводящее с ума, охватывающее нестерпимым жаром предвкушение.

— Ты была сегодня хорошей девочкой? — спрашивал он, подходя ближе и поглаживая ее по волосам, зарываясь пальцами в тщательно уложенную прическу и сжимая их там, чтобы дать почувствовать легкое натяжение. Еще не до боли, скорее до приятного покалывания кожи. — Ты уделила время себе?

— Д-да... — в горле у Ольги пересыхало, глаза закатывались, она то ли шептала, то ли стонала, не в силах выкинуть из головы, что он стоит совсем близко, и его бедра находятся почти на уровне ее лица, и нужно лишь протянуть руку, чтобы коснуться его там, между ног, где он уже твердый, как всегда бывало во время встреч с ней.

— О чем ты думала?

Его голос в такие моменты был мягким и ласкающим. Безликий чувствовал и видел ее возбуждение, не мог не видеть, что творится с ней от одного его прикосновения. И ему это нравилось.

— Я... думала о себе, — Ольга всегда отвечала одно и то же, но не врала. — О том, какая я счастливая. Как в моей жизни все хорошо и замечательно складывается. Какой у меня хороший муж...

— Но ты пришла о чем-то попросить?

— Д-да... я хочу попросить...

— Ты же знаешь, что ждет темнейший в обмен на то, чтобы услышать твою просьбу. Раздевайся, волчица.

Безликий отпускал ее волосы и отходил, а Ольга трясущимися руками принималась расстегивать на себе одежду. Давно, в самом начале ее визитов сюда, он объяснил, в чем заключается суть поклонения темному богу.

— Ему не нужны твои слезы, страдания и причитания, — говорил безликий, застыв перед Ольгой в спокойной позе уверенного в себе человека, — за этим тебе следовало пойти в дарданийский монастырь. Если же ты решилась прийти сюда, то знай, мы дадим очень много. Но и попросим не меньше. Темнейший хочет видеть твое удовольствие. Такое, которое ты не испытывала никогда и ни с кем прежде. Он будет дышать твоими стонами, пить твой пот и стекающую по ногам влагу и вкушать разрывающее тебя изнутри наслаждение. Только ублажив его собой, ты получишь право что-то просить.

Под его пристальным взглядом, словно испытывавшим на прочность, Ольга робко стягивала одежду и аккуратно откладывала ее в сторону, оставив на себе только нижнее белье. Дорогие кружева красиво облевали тело, подчеркивая большую тяжелую грудь и пухлые бедра, когда она присаживалась на пятки и покорно складывала руки на коленях.

В первый раз, правда, она возмутилась, заметив, что не хочет заниматься порочными вещами.

— Ты знаешь, что такое порок? — тогда поинтересовался безликий.

— Конечно. Это то, что вы мне предлагаете: раздеваться и стоять перед незнакомцем в маске, — уверенно ответила она.

Он ничего не сказал, только губы чуть дрогнули в снисходительной улыбке, словно Ольга была маленькой неразумной девочкой, и предложил ей либо принять условия, либо уходить. Уходить она не стала.

Ей пришлось согласиться ради того, чтобы вернуть мужа. Но потом... посетив храм один раз, другой, третий, она почувствовала, что тихие доверительные разговоры с безликим стали неотъемлемой частью жизни. А затем поняла, что не может долгое время обходиться без звука его дыхания — тяжелого дыхания возбужденного мужчины, — когда он стоит позади нее и гладит ее кончиками пальцев по лицу, обводит губы, скользит по незащищенному горлу. В такие моменты в животе Ольги сворачивался тугой узел, жаркие волны толчками разливались по телу, пока она сидела и боялась пошевелиться под прикосновениями безликого.

Руки у него были мягкие и пахли розовым маслом, в отличие от рук Виттора, сухих и шершавых, насквозь пропахших сигарным дымом. Но Виттор был обычным мужчиной, простым и полным недостатков, а безликий казался Ольге неземным существом, слишком совершенным, чтобы являться человеком. Аромат роз настолько прочно вошел в ее сознание вместе с его образом, что она давно уже приказала садовнику вырвать все кусты этих цветов, посаженные вокруг особняка. Боялась, что выдаст себя, когда летний ветерок принесет в дом плотный сладкий запах, и она невольно замрет, дрожа и кусая губы, вспоминая полумрак молельни и мужчину без лица.

Вот в чем была разница между супружеским долгом, который Ольга исправно выполняла именно как долг, и тем, что происходило в укромной комнате под землей: Виттор ласкал ее, чтобы подготовить для себя, безликий — для темнейшего, оставаясь лишь посредником и всячески подчеркивая это. Всегда отводил ее руки, не позволяя прикасаться к себе, и запрещал поворачиваться лицом, держась только за спиной.

Она и сама замечала, что в молельне ощущается еще чье-то присутствие, некто третий смотрит на них, стоящих на коленях в полумраке, но уже не могла сдержаться, откидывала голову, выгибалась и стонала, пока безликий гладил ее плечи, уверенными мощными движениями обводил каждую грудь, забираясь ладонями под кружева. Наверно, именно понимание, что они не одни, так подстегивало ее, обычно равнодушную к плотским утехам.

Не выдерживая долгой пытки, Ольга спускала бретели с плеч и оттягивала вниз чашечки белья, накрывала руками ладони безликого, побуждая его сильнее стиснуть между пальцами ее напряженные изнывающие без его поцелуев соски. Он сбрасывал ее руки и вроде как сердился, напоминая, что нельзя, но сам горячо и прерывисто дышал над ее ухом, и тогда Ольга улыбалась, крепче прижимаясь лопатками к его груди и откидывая голову.

Она всегда кричала, когда он грубо врывался двумя пальцами между ее ног. Именно так — грубо и жестко, на контрасте с тягучими и медленными предварительными ласками. Ольга мечтала отнюдь не о его пальцах внутри себя, а о другом, более естественном и привычном процессе, но приходилось довольствоваться только этим. Переступая порог, она вся принадлежала своему временному господину.

— Волчица-а-а... — иногда едва слышно шептал безликий, пока Ольга лежала на его груди, перестав дышать от того, что невыносимо острые спазмы сотрясали все ее тело, а под ее ягодицами, прижатыми к его бедрам, даже через плотную кожу штанов ощущалось, как пульсирует член, кончая вместе с ней.

Безликий никогда не называл ее по имени или вежливым «лаэрда». Только волчицей, намекая на звериную суть, полную низменных и порочных инстинктов, и однажды Ольге пришло в голову, что если он попросит, она обернется для него. Его хриплое «волчица-а-а» сводило ее с ума. Но безликому это было не интересно, он всего лишь указывал ей место и держал на расстоянии. Иногда, как ей казалось, даже слишком усердно. Почти сразу же поднимался и скрывался за бесшумной панелью, оставляя ее в одиночестве приходить в себя и одеваться.

Обычно после такого Ольге хотелось лечь прямо на холодный пол, ни о чем не думать и глупо улыбаться, смакуя отголоски удовольствия, еще бродившие по телу, но усилием воли она вставала и приводила себя в порядок. Покидала комнату, снова становясь самой собой — неприступной аристократкой. Забирала остальные свои вещи, вынимала из сумки пачку денег и оставляла ее в нише для пожертвований.

Впереди ждал целый день, полный хлопот, и ей надо было идти в приют, долго обсуждать с дежурным воспитателем список необходимых детям вещей, раздавать еду из свертка, а затем возвращаться домой, заниматься хозяйством, встречать вечером мужа и помнить о том, что ему требуется внимание и ласка. Ее визиты в темпл шли их отношениям только на пользу: мысленно еще находясь в тесной подземной комнатке, Ольга легче заводилась и в супружеской постели.

Оставалось только самое главное — попросить, — и уже в главном зале Ольга замирала у колонны, смотрела зачем-то в проем в потолке, откуда лился дневной свет, и иступленно шептала:

— Только не трогай Кристофа! Пожалуйста, возьми меня, только никогда не трогай его!

Она всегда просила лишь за младшего сына, по-женски веря, что дочь обладает достаточной силой, чтобы противостоять любой напасти.

За старшего сына Ольга не просила никогда, понимая, что эта просьба все равно не будет услышана.

Цирховия. Шестнадцать лет со дня затмения

После ночного дождя в летних душевых, приютившихся на краю школьного футбольного поля, все еще было сыро. Замок крайней кабинки, которую использовали для хранения хозяйственного инвентаря, сломался еще прошлой осенью, и ни у кого до сих пор не дошли руки его починить, поэтому дверь прилежала неплотно и успела слегка перекоситься из-за нагрузки на петли. Сбежав с уроков, Эльза и Северина спрятались в этой душевой, прикрыв створку за собой насколько это было возможно.

Они уселись на пластиковые баки с технической водой и поджали ноги повыше от влажных плиток пола, на которых осталась земля, намытая непогодой в щель под дверью.

— Мне кажется, ведьма заметила нас, — сообщила Эльза, поудобнее устраиваясь на холодной поверхности.

Северина, которая в свое время и придумала это прозвище, сразу поняла, что речь идет о директоре школы. Она и сама краем глаза успела заметить темный силуэт в окне, хоть и предпочла думать, что ей показалось.

— Ну и что? — пожала она плечами и вынула из кармана юбки пачку сигарет с зажигалкой. — Думаешь, ведьма побежит сюда за нами из своего ведьминского гнезда под крышей? Да она лишний раз оттуда нос не высовывает! А когда выходит, то вечно морщится, словно все вокруг ей противны.

Вынув сигарету, Северина подкурила и передала пачку Эльзе.

— Может и побегать, — опасливо заметила та, наклоняя голову к огню. — Она вечно ко мне придирается. И к Крису. Чуть что — родителям гневные послания строчит.

— И сильно влетает? — с сочувствием вздохнула подруга.

Эльза выпустила длинную струйку дыма. Они с Севериной любили сидеть тут вдвоем, курить и жаловаться друг другу на жизнь. Это было их тайное убежище, единственное место для душевных бесед, которые так нужны, когда больше никто в мире, кроме верной подруги, тебя не понимает.

— Когда как. Один раз ведьма так папу допекла, что он лично к ней ездил разбираться. Потом какое-то время нас не трогала. А затем снова взялась за свое. Маму расстраивать не хочется... она всегда ужасно переживает за каждое замечание. У нас и так самые низкие оценки по изящной словесности во всем классе.

— Твои родители хотя бы за вас с братом переживают... — снова вздохнула Северина и красиво стряхнула пепел указательным пальцем. Она любила и долго отработывала этот жест. — Мой папа слишком увлечен поисками моей будущей мачехи, чтобы обращать внимание на мои успехи или неудачи.

Эльза помнила отца подруги. Невысокий сухопарый лаэрд с проклевывающейся на темени лысиной и вечно скорбным выражением лица иногда встречался на светских вечерах, которые приходилось посещать всей семьей. Он всегда говорил тихо, двигался как-то скованно и из-за этого терялся в толпе. Ходили слухи, что смерть жены, вопреки опасениям врачей пытавшейся выносить ему сына, сильно подкосила еще не старого мужчину. Он долго горевал, жил затворником в собственном доме, почти не замечая, как под боком подрастает дочь.

Затем, оправившись от горя, отец Северины резко загорелся идеей снова построить семейное счастье. Активно искал невесту, что в их кругу оказалось непросто — белые волки

по традиции выбирали супругов внутри своего общества, а все подходящие по возрасту женщины благородного рода оказались заняты или не понравились требовательному кандидату в силу внешности. И опять Северина находилась где-то вне сферы интересов отца, отданная им под опеку нянек и позабытая.

Эльза знала, как переживает подруга, видела, как слезы приливают к ее глазам, стоило лишь мельком затронуть тему, но ничем не могла помочь. Оставалось только утешать словами.

— Скорее бы уже он кого-то нашел, и все бы закончилось, да? — осторожно предположила она, заглядывая в лицо Северины. — Может, женщина попадется хорошая, и папа успокоится и снова вспомнит про тебя.

— Да никого он не найдет! — с неожиданной злостью воскликнула подруга, швырнула сигарету на пол, спрыгнула и придавила ее туфелькой. — Он маму мою во всех ищет, понимаешь?! А ее нет! Другой такой, как мама, — нет. Так что никого он не найдет. Скорее бы я уже выросла и вышла замуж, а то так и будем жить, как чокнутая семейка, где каждый сам по себе!

Эльза тоже выкинула и потушила сигарету. Северина села обратно, опустив голову и шмыгая носом. Ситуацию срочно надо было спасать.

— Ну, если уж говорить о чокнутых семейках, то твоя с моей не сравнится, — заговорила Эльза наигранно бодрым голосом и погладила подругу по плечу. — Мой старший брат вообще пытался убить нас с Крисом, когда мы только родились! Вот это, я скажу тебе, чокнутая семейка. И ничего, живем же как-то.

— Димитрий?! — слезы на глазах Северины тут же высохли, и в них зажегся огонек интереса. — Что, правда?

— Чистая, — кивнула Эльза. — У нас прислуга часто об этом шепчется. Мы с Крисом в кроватках лежали... только в первый день, как нас из родильного отделения госпиталя принесли, а брат ночью подкрался и подушками нас хотел задушить. А ему тогда лет восемь всего было.

— Врут, наверно, — недоверчиво качнула головой подруга. — Дим — он... красивый... Она задумчиво уставилась в противоположную стену, словно увидела там чье-то лицо, и это видение ей понравилось. Эльза тоже посмотрела перед собой, но ее взгляд был не мечтательным, а мрачным.

— Красивый, — согласилась она тихим голосом, — только злой. Потому что он потом подрос и пытался убить нас еще раз. И тот, второй, раз я уже помню.

— Да?! — у Северины одновременно округлились и глаза, и рот.

— Да. Он обернулся волком и хотел дверь в детскую выломать. А наша няня спиной к ней привалилась и держала. И плакала громко. А мы с Крисом сидели, слушали эти удары и смотрели на нее.

Северина сложила губы трубочкой и выдохнула. Правда, мечтательность из ее взгляда испарилась лишь слегка.

— А все потому, что его темный бог поцеловал, — продолжила Эльза, погружаясь в неприятные воспоминания. — Так наша старая няня говорила перед тем, как уволиться. И мама его боится. До ужаса. И отец, хоть и старается не подавать вида...

— А ты? — едва слышно шепнула Северина, находясь под впечатлением.

Эльза помолчала.

— И я.

— А Крис?

Она покачала головой.

— Крис его боготворит, — Эльза встряхнулась и поморгала, отгоняя образы прошлого. — Так что, когда твой папа забывает поздравить тебя с днем рождения, радуйся, что у тебя нет брата, который мечтает задушить тебя просто потому, что захотелось.

— Вот бы его на ведьму натравить... — протянула Северина и хихикнула, прикрыв рот ладошкой, — посмотреть, кто кого.

— Бесполезно, — осадила ее подруга, — он ведь учился здесь, и она никогда его не трогала. Во-первых, Дим может все, когда захочет, и придрататься к его оценкам было просто нереально. А во-вторых...

Эльза замолчала, и Северина многозначительно подвигала бровями, намекая, что ждет продолжение.

— А во-вторых, ведьма наверняка тоже его боялась, поэтому и не жаловалась родителям, даже когда он этого заслуживал.

Аргумент был весомым. Северина хмыкнула и покачала ногой.

— Ну, тогда твоему брату просто надо влюбиться. Тогда его сердце растает, и он подобрееет. Знаешь, как в сказке про красавицу и чудовище?!

— Ты что?! — Эльза даже нос сморщила от такого предположения. — Он на девчонок вообще не смотрит. Они его не интересуют вообще. Целыми днями пропадает где-то с такими же странными типами, как и сам. Мама подозревает, что они занимаются поклонением темному богу в запрещенных темплах, я слышала, как однажды она говорила это отцу, когда думала, что никого нет рядом. Жертвоприношения и все такое.

Эльза поежилась, но подруга глянула на нее сверху вниз и снисходительно улыбнулась:

— Во-первых, запрещенных темплов не существует и темного бога — тоже, а в его главном темпле просто дерут деньги с дураков. А во-вторых, значит, Дим просто не встретил ту самую. Вот встретит — и все изменится. Ты плохо знаешь мужчин.

От красноречивого выражения ее лица Эльзу передернуло еще больше.

— Северина! Не вздумай даже лезть к моему брату!

— А что, тебе жалко? — тут же надулась та.

— Нет, не жалко! Но ты — моя лучшая подруга, а такого, как мой старший брат, и врагу не пожелаешь! Не полюбит он тебя, потому что просто никого любить не умеет, а я не хочу, чтобы ты страдала впустую. Поэтому даже не начинай! Если хочешь кого-то из моих родственников, пофлиртуй с Крисом!

— Крис?! — Северина презрительно фыркнула. — Вот еще! Малолетки меня не интересуют.

Тема разговора плавно свернула к перечислению всех знакомых парней и последовательному разбору их достоинств и недостатков. Подруги так увлеклись, что едва расслышали, как вдалеке прозвенел звонок, оповестивший о конце урока.

— Ну вот, — с удовольствием объявила Северина, — астрономию переждали, можно и домой.

Напоследок они решили выкурить еще по сигарете. Так как основные интересные мысли уже обсудили, то делали это в молчании. Внезапно где-то за их спинами раздался протяжный скрип железного вентиля, а затем шумно хлынула вода. От неожиданности Эльза выронила окурок и встретила взглядом с Севернойной. Та мгновенно побледнела и вскочила, размахивая руками, чтобы разогнать дым, повисший вокруг сизыми облачками. Попасться и

потом оправдываться перед старшими им обеим не хотелось.

Как по команде обе подруги посмотрели вверх, в пространство над стеной, которая не доходила до крыши и служила лишь перегородкой между двумя душевыми. Извиваясь кольцами, остатки дыма уплывали туда под воздействием сквозняка. Вода по ту сторону продолжала бить в плитки пола, кто-то тихонько замурлыкал веселую мелодию.

— Бежим, — беззвучно, одними губами предложила Эльза, подхватывая сумку.

Но глаза Северины загорелись любопытством. Придержав подругу за локоть, она помедлила в раздумье, затем взобралась на бак, положила ладони на выступ стены, привстала на носочках и вытянула шею.

— Северина! — шикнула Эльза. — Нет! Нас сейчас поймают! Ради светлого бога! Нет! — Ничего не добившись, она уронила руки. — Ну что ты будешь делать...

— Пресвятой светлый бог... — только и прошептала в ответ подруга, а ее рот так открылся, что Эльза уже и сама поняла, что умрет, если не увидит это.

С раздражением отругав себя за слабохарактерность, она тоже взобралась на бак и вытянула шею. И тут же вздрогнула, увидев под душевыми струями обнаженного мужчину. Он стоял, чуть нагнув голову, чтобы вода не попала на волосы, перехваченные резинкой на затылке. Прозрачные потоки падали на его широкие плечи, с брызгами разбивались о гладкую кожу, стекали дальше, по спине, разделенной пополам длинной впадиной позвоночника, по упругим ягодицам и мускулистым ногам. Его спортивная одежда осталась висеть на крючке там, где капли не могли ее достать.

— Он божественен... — выдохнула где-то рядом Северина.

— Он — наш учитель, — выдавила Эльза слабым голосом, понимая, что они занимаются кое-чем нехорошим, но не в силах оторвать глаз от этого зрелища. — Это же майстер Ингер!

— Самый лучший учитель в мире... — от переизбытка чувств Северина даже покачала головой.

Самый лучший учитель в мире нагнулся, проводя ладонями по ногам от бедер до щиколоток, и теперь брызги отлетали уже от его поясицы, покрытой темно-русыми слипшимися волосками, которые особенно густо произрастали над ложбинкой между ягодиц и в ней самой — тоже.

— Я не буду на это смотреть, — шепнула Эльза, не в силах очнуться от наваждения.

— Ага, — как в полусне поддакнула Северина, — пойдем отсюда.

Но в это время майстер Ингер выпрямился и повернулся к ним лицом, запрокинув голову и умываясь. Воздух с шипением вышел из легких обеих подружек. Вытирая глаза от капель, мужчина опустил другую руку вниз. Он не делал ничего особенного, просто мыл свое тело, но Эльза почувствовала, что отчаянно краснеет. Раньше она как-то не представляла себе, как это происходит и что «это» так выглядит и может быть таким большим и... волосатым.

Северина зажала рот обеими ладонями. Подруги переглянулись, понимая, что теперь у них стало одним на двоих секретом больше, и в этот момент майстер Ингер наконец протер глаза, открыл их и взглянул прямо вверх.

Эльза едва удержалась, чтобы не взвизгнуть. Кубарем слетев с бака, она схватила сумку, в панике распахнула дверь и бросилась бежать. Где-то за спиной раздавался топот Северины, которая не отставала. Рискую подвернуть себе ноги, они сломя голову неслись подальше от места преступления.

Футбольное поле пустовало, а вот на входе в здание школы толпились младшеклассники. Эльза бесцеремонно растолкала их, ворвалась внутрь, и тут ее разобрал нервный смех. Она привалилась к стене коридора, держась за живот, согнулась пополам и захохотала. Северина постояла секунду, а потом тоже рассмеялась. На них начали коситься и крутить пальцами у висков.

— Как мы... теперь... будем ходить на его уроки?! — простонала Эльза.

— А мы... не будем на них ходить! — подхватила подруга.

— Придется! Он ведьме настучит! О, светлый бог, мне так стыдно!

— Не настучит! Он же специально это сделал!

Эльза мгновенно стала серьезной, подхватила Северину под локоть и повела коридорами к другому выходу из школы — на площадь и улицу.

— Что ты имеешь в виду — специально?! — понизила она голос.

— А то и имею, — напустила на себя деловой вид подруга. — Зачем он в летние душевые мыться поперся?

— У него последнее занятие, — попробовала найти аргументы Эльза. — Он много бегал по полю. Мы ведь шли и видели его, помнишь? К тому же, сегодня жарко. Вот и решил привести себя в порядок перед тем, как идти домой.

— Тогда почему пошел именно туда? — возразила Северина. — Для учителей есть своя душевая на первом этаже, так же как и свой туалет. Разве не удобнее там?! Нет, он видел, как мы проходили, и понял, что мы прогуляли. И специально пошел к нам, зная, что мы услышим и захотим посмотреть.

— Да ну тебя! — отмахнулась Эльза. — Он взрослый. Взрослые такими глупостями не занимаются. Это наши мальчишки из класса к нам в раздевалки заглядывают, чтобы напугать. Майстер Ингер не такой.

— А откуда ты знаешь? — прищурилась Северина. — Никогда не замечала, как он на наших девочек во время занятий смотрит? Ну, когда мы растяжку делаем, например. Или как подходит и трогает, якобы чтобы помочь правильно сделать движение. Ты никогда не замечала?

Эльза закусил губу. Она не особенно обращала внимание, но теперь, когда подруга заговорила, ей тоже вспомнилось, какие сильные, но бережные руки у майстера Ингера, когда он поддерживает под колено, приказывая поднять ногу выше. Или когда надавливает на спину, стоя сзади и заставляя в наклоне коснуться ладонями пола. Пару раз в такие моменты его бедра прижимались к ней, но Эльза не придавала значения. Это же учитель, он лучше знает, как и что делать! Теперь все стало выглядеть в несколько ином свете.

— Он же старик! — вспыхнула она.

— Он как твой старший брат, — ехидно парировала Северина.

— Нет! Он старше!

— Пусть старше, но ненамного! В родители нам уж точно не годится.

Майстер Ингер действительно не годился им в родители, и от этого Эльзе вдруг стало не по себе. Она вышла на площадь перед школой, залитую лучами яркого майского солнца и переполненную детьми, и нахмурилась.

— Ладно, надо найти Криса и ехать домой, — решила она, — и сделаем вид, что ничего не было, хорошо? Может, майстер Ингер нас не рассмотрел, как следует. Может, мы зря запаниковали и убежали. Если будут спрашивать, скажем, что это были не мы.

Северине домой не хотелось, и это было понятно: ее там никто не ждал. Она принялась

ныть, упрасивая Эльзу прогуляться по магазинам, а потом поесть в парке мороженого. Да что угодно, лишь бы еще немного провести время вдвоем!

— Ну хорошо, — сжалилась та, — но тогда все равно надо найти Криса и предупредить его, чтобы отпросил у мамы. Она скоро должна за нами приехать.

Пусть в последние годы двойняшки не были так близки, как с рождения, но прикрывали друг друга перед родителями по-прежнему. Эльза знала, что может положиться на Кристофа, и всегда при необходимости помогала ему в ответ.

— Да вот же он! — с готовностью подсказала Северина, махнув рукой в другой конец площади.

Эльза пригляделась и увидела брата с еще несколькими парнями из их класса. Они сбились в кружок под тенью раскидистого дерева, склонили головы и что-то рассматривали. Девочки приблизились. Северина тут же напустила на себя скучающий вид, как всегда делала в присутствии одноклассников, а Эльза подкралась и заглянула брату через плечо.

— Откуда у тебя это? — тут же ахнула она, сделав шаг назад.

Крис повернулся и мрачно сверкнул в ее сторону глазами. В руке он сжимал нож, которым и хвастался перед друзьями, когда сестра его застала. Нож был красивым, с длинным тонким лезвием и резной ручкой, отделанной позолотой. Эльзе одного взгляда хватило, чтобы понять — это оружие принадлежит Димитрию, она видела как-то раз у него такое же.

— Ниоткуда, — буркнул Крис и, воровато оглядевшись, спрятал нож за спину.

— Постой... ты принес его в школу? Для чего?! Ты украл его у Димитрия? Да он тебя по стенке размажет!

Друзья начали поглядывать на Кристофа и посмеиваться, и это его разозлило.

— Не твоё дело, для чего! — прошипел он в лицо сестре. — Дим сам мне его дал. Поняла?! Сам! Хочу и ношу. Настоящий мужчина всегда должен быть готов к драке.

Северина, слышавшая весь разговор, громко рассмеялась и послала Эльзе сочувствующий взгляд.

— Ты еще не мужчина, Крис! — напустилась та на брата. — Тебе всего шестнадцать. Что скажет мама, когда узнает об этом?

— Что скажет мама, когда узнает, что ты куришь? — мстительно отозвался он.

Парни перевели взгляды на Эльзу. Она выдохнула, стараясь успокоиться. В конце концов, воспитание Кристофа — не ее дело. Пусть творит, что хочет. Пусть все пальцы себе отрежет или случайно пырнет кого-нибудь во время игры. Она же не обязана нянчить его.

— Хорошо, — заговорила она уже ровным голосом. — Мы с Севериной идем гулять. Скажи маме, что я поехала к ней делать домашнее задание.

— А за нами сегодня Дим придет, — возразил брат, все еще сердитый и обиженный.

— Как — Дим?! — насторожилась Эльза.

— Вот так. Мама позвонила и сказала, что задерживается. Хотела прислать свой кар с водителем, но я отказался, — Кристоф пожал плечами. — Ты ведь куда-то запропастилась, а у нас астрономию сегодня отменили. Пришлось мне все решать самому. Так что я успокоил маму и сказал, что за нами придет Дим. Ну а потом позвонил ему и договорился.

— А может... не пойдем гулять? — вдруг подала голос Северина. — У меня что-то нога разболелась. Может, Дим и меня до дома подвезет?

Кристоф не почувствовал в просьбе подвоха и возражать не стал, а вот Эльза скорчила подруге страшную физиономию.

— Нет уж, мы уходим. Крис, легенда остается в силе: я пошла делать уроки к подруге. Хотя не думаю, что Димитрию будет какое-то дело до меня. Так что...

На мгновение задумавшись, она выхватила из рук брата нож и запихнула его в сумку, а затем быстро пошла прочь.

— Эй! Что ты делаешь?! — завопил Крис и бросился за ней.

— Ничего. Тебе еще рано играть в такие игрушки.

— Эль! Ты меня позоришь! — он буквально шипел от злости. — Я все расскажу, что ты и астрономию прогуляла и потом дальше гулять пошла.

— А Димитрий все равно маме не скажет. Он с ней не разговаривает. И с отцом тоже.

— Тогда я сам скажу маме! Вот увидишь! — он попробовал схватить сумку, но Эльза ловко увернулась, лавируя между людьми на площади. — Ненавижу тебя!

Она резко остановилась и повернулась к брату.

— А вот я тебя люблю. Поэтому не хочу, чтобы ты на свой же нож напоролся.

Крис вздохнул, и его плечи поникли. По опыту он знал, что сестру не переспорить, тем более — не перебороть. Они боролись в шутку раньше, когда были детьми и играли вместе, и она всегда равнялась с ним по силе.

— Отдай, а? — попросил жалобно. — Эль, ну пожалуйста! Ну меня друзья засмеют! Мы сегодня вечером, когда все уснут, идем на площадь трех рынков толпу с того квартала бить!

— Никого ты не идешь бить, — возразила Эльза и легонько чмокнула брата в щеку, от чего он надулся еще больше. — Ты идешь домой делать уроки. За площадью трех рынков живут бедные люди, а ты на них с ножом. Эх, ты... ты же белый волк, тебе положено быть выше всего этого.

— Не спорь с ней, — пробубнила Северина, проходя мимо и останавливаясь за спиной подруги. — Связываться с теми, кто живет за площадью трех рынков, унижительно.

— Скажи это Димитрию, — проворчал Кристоф.

— Я говорю это тебе, — заметив, что сильно задела брата, Эльза смягчилась и подмигнула, — к тому же... зачем тебе нож? У тебя есть клыки и когти. Это гораздо круче, ведь люди не умеют оборачиваться, как ты.

Увлеченные спором, они не замечали, что за ними кое-кто наблюдает. Остановившись на противоположной стороне улицы, чтобы проверить, не спустилось ли колесо, Алекс случайно бросил взгляд поверх своего мотоцикла и уже не смог отвести глаз.

В девушке, которая так привлекла его внимание, не было ничего необычного. Да, стройная, с хорошей фигуркой и длинными темными волосами, но разве мало таких? Но что-то все же зацепило его. Возможно, ее манера двигаться, грациозная, как у танцовщицы или хищницы. Алекс поймал себя на мысли, что стоит и глупо улыбается, наблюдая, как незнакомка переставляет ножки, и на всякий случай покосился по сторонам: не выглядит ли в глазах прохожих полным дураком? Но опьяненные чувством свободы школяры растекались вверх и вниз по улице или спешили к ожидающим их карам, и на него никто не смотрел.

Алекс снова перевел взгляд на девушку и вытянул шею. Встречает ли ее кто-нибудь? Он боялся упустить ее из виду хотя бы на секунду, а прохожие то и дело мешали обзору. Вот она увернулась от парня, который хотел выхватить сумку, вот повернулась и поцеловала того. Алекс нахмурился, сам не понимая, почему ему стало так неприятно от того, что незнакомка проявляет к кому-то нежные чувства. Что ж, если этот мелкий дохляк ей нравится, то радоваться удаче ему осталось недолго.

Алекс перекинул ногу через седло кара и завел мотор. Делая вид, что прислушивается к

звук двигателя, он украдкой наблюдал за девушкой. Вот она, наконец, избавилась от парня и остановилась вместе с подругой на самом краю площади, у дороги. Они обе поглядывали вдаль, будто ожидая кого-то, и Алекс понял, что ни за что не простит себя, если проворонит свой единственный шанс.

Эльза слишком волновалась в ожидании старшего брата, чтобы ощутить на себе чужой взгляд. Стоя на тротуаре рядом с большой лужей, слишком глубокой, чтобы просохнуть за утро, она поглядывала на свое отражение в темной воде и нервно теребила ремешок сумки.

— Ты уверена, что мы успеем поймать таксокар до того, как приедет Димитрий? — в который раз дернула она за рукав Северину.

— Уверена, — лениво отозвалась подруга, посматривая на дорогу, но без особой тревоги, — я же говорила, что они тут раз в пятнадцать минут стабильно проезжают. За мной же никто кар не присылает, сама добираюсь, поэтому и знаю.

Но минуты шли, а среди потока прибывающего и отъезжающего от площади транспорта не мелькнуло ни одной желтой кабины. Встретаться со старшим братом Эльзе не улыбалось. Это Кристоф мог с беспечностью пропускать мимо ушей жуткие истории об их семейном прошлом и не замечать маминой реакции. Вот Эльзу не так-то легко было заставить все забыть. За последний год она едва ли перекинулась с Димитрием парой дежурных фраз. Чаще всего старший брат предпочитал проходить мимо, делая вид, что ее не существует или она — бестелесный дух. Но сидеть с ним в салоне одного кара? Ехать куда-то без присутствия родителей рядом? У нее мурашки бежали по коже от этой мысли.

Неожиданно взревел мотор, и вихрь промчался совсем рядом, ударив в лицо волной воздуха, спутав пряди волос и окатив целым водопадом прямо из злополучной лужи. Эльза ахнула, еще не веря в ужасную катастрофу, но понимая, что та уже произошла. По ее ногам и юбке стекали потоки грязи, даже белой блузке досталось. Рябь еще бежала по воде, и отражение ее собственной фигуры, нелепо застывшей с растопыренными руками, колыхалось из стороны в сторону, словно исполняя ритуальный танец скорби. На тротуаре вокруг туфель образовалось мокрое пятно. Северина, которую брызги практически не задела, шагнула назад и открыла рот в сочувствии и изумлении. Кто-то на площади уже успел заметить постигшую двух подруг неприятность и засмеялся.

Услышав этот звук, Эльза опомнилась и уронила руки. Стиснув зубы, она поискала взглядом того, кто испортил ее одежду, и увидела парня на мотоцикле, который как раз сбавил скорость и разворачивался с явным намерением вернуться.

— Эль! — осмелела и коснулась ее руки Северина. — У тебя глаза светятся... ты что, хочешь прямо здесь обернуться?

— Чтоб темный бог ему гадких слизней в штаны ниспослал, — едва слышно пробормотала Эльза, не спуская глаз со своего обидчика и не обращая внимания на ядовитые смешки одноклассников за спиной. — Чтоб ему в колеса гвозди со всей площади трех рынков набили!

Парень, тем временем, остановил свой мотоцикл поодаль и слез, всем своим видом демонстрируя сожаление и вину. Актер из него был никудышный — Эльза успела на секунду встретиться с ним взглядом и вспыхнула еще больше: его глаза смеялись.

— Как мне жаль, майстра... — крикнул он еще издалека и развел руками, приближаясь. — Простите меня ради светлого бога!

Эльза быстро опустила веки, чтобы скрыть пульсирующую серебристым светом радужку: признак того, что белая волчица в гневе и готовится растерзать врага. Она

мысленно повторила про себя мамины слова, которые слышала едва ли не с колыбели. Нельзя вести себя в обществе, как грязная прислужница темного бога, нужно всегда держать себя в руках, даже когда обидно или неприятно или хочется сказать другому в лицо все, что о нем думаешь. Нужно помнить, кто ты есть, и быть воспитанной, несмотря ни на что. Успокаивая себя так, Эльза решила даже не указывать наглому хаму на то, что никакая она не майстра, а очень даже лаэрда. Если он не способен различать такое с первого взгляда, то это его проблемы, а не ее.

— Как я могу загладить свою вину, майстра? — спросил наглец голосом, в котором отчетливо слышалась улыбка, и так сделал акцент на последнем слове, что Эльза засомневалась, точно ли это «майстра» звучит ненамеренно.

— Повернуть время назад и не окатывать меня из лужи, — ответила она высокомерным и ледяным тоном и не выдержала, посмотрела на собеседника.

Как жаль, что он не оказался мерзким бородавчатым карликом-уродцем! Эльза отчаянно пыталась найти какие-нибудь существенные недостатки и от этого злилась еще больше. Она втянула его запах, с легкими нотками парфюма, бензина и дорожной пыли, и сразу же безошибочно определила, что он — человек. Вот откуда эта невоспитанность и самонадеянность. Думает, что раз вымахал таким верзилой и плечи себе подкачал, то может развлекаться, обливая девушек грязной водой из канавы? А эта улыбочка... как будто он считает себя совершенно неотразимым и уверен, что стоит растянуть губы — и ему все простят. И как назло Северина задышала под боком очень знакомым образом, как совсем недавно делала, глядя в душевой на майстера Ингера, что только подтверждало догадки.

Эльза стиснула кулаки и нахмурилась еще больше. Будь он хоть трижды красавчик, ее это не проймет! Ее вообще интересует другой типаж! Как например... да кто угодно... да хоть майстер Ингер! Да, определенно, ей нравятся длинноволосые блондины в возрасте, а не этот уроженец площади трех рынков в своей дурацкой кожаной куртке и потертых джинсах! Пусть идет улыбается кому-то другому, но только не ей.

— Подвезти? — чуть склонив голову, поинтересовался наглец, и Эльза растерянно моргнула.

— Что?!

— Вас подвезти, майстра? В таком виде не стоит ходить по улицам, — он красноречиво прошелся взглядом сверху вниз по телу Эльзы, и ей вдруг стало тяжело дышать от чувства, будто ее пощупали.

Но наглый тип был прав. В мокрой и грязной одежде, больше смахивая на замарашку, она уже не могла отправиться с Севериной гулять. Вот и таксокар проехал мимо, медленно и неспешно, поблескивая свежевывмытыми желтыми боками, но Эльза не стала поднимать руку. Куда ей теперь идти? Оставалось только ждать Дмитрия, а ведь она почти избежала нежелательной встречи!

— Прогулка в парке отменяется, — проворчала она, впадая в уныние, — придется ехать домой.

— А и правда, езжай, — вдруг толкнула ее в бок подруга и послала хаму в кожаной куртке сияющую улыбку, — вы же не обидите нашу Эльзу? Вот прямо в целости и сохранности ее до дома доставите?

— Эльзу? — пронзительный взгляд смеющихся глаз нахала так и прожигал ее насквозь, вынуждая краснеть. — Как можно обидеть такую красивую девушку? Это же я не прав, мне так жаль, мне так неприятно...

— Хрена с два тебе неприятно, — буркнула она.

— Что, простите, майстра? — парень наклонился, будто не расслышал, но слегка переменялся в лице.

— Что вы, что вы, говорю, — вздернула подбородок и пропела Эльза совсем другим, невинным голосом, — пустяки, извинения приняты, катите... всего хорошего.

Она резко повернулась к Северине и оскалилась на нее.

— Мне придется ехать с братом. А тебе придется гулять одной или ждать таксокара.

— А я Димитрия дождусь, он меня и подвезет, — нашла Северина и быстро-быстро заморгала с умоляющим видом, — вместе с Крисом и поедem. А ты, вон, воспользуйся добрым предложением, а то неизвестно сколько тут стоять еще и ждать твоего брата будем. Да и мама наверняка рассердится, если узнает, как ты испачкалась. А так пораньше вернешься, переоденешься — и все. — Она подалась вперед и доверительно прошептала: — Не дрейфь, подруга, он же с тобой познакомиться хочет! К тому же, ну что он тебе сделает? Он — человек! Против тебя, волчицы! Ты же сама Крису про когти и зубы напоминала.

— У меня еще и нож есть. В сумке, — тихо и задумчиво произнесла Эльза, чувствуя, что Северина, сама того не подозревая, только что натолкнула ее на идею изощренной мести.

— Ну вот, — округлила глаза та, — я бы на твоem месте уже воспользовалась ситуацией.

Развернув Эльзу лицом к парню, Северина громко объявила:

— Она согласна.

Наглый тип медленно расплылся в такой самоуверенной улыбке, что Эльза с трудом удержалась, чтобы не треснуть его сумкой по голове. Сама не веря, что ввязалась в авантюру, она послушно села на мотокар.

— Меня, кстати, Алекс зовут, — бросил парень через плечо, заводя мотор.

«Темному богу в подмышку свое имя шепни», — подумала Эльза, но вслух только выдавила: — Очень приятно.

Он хмыкнул, качнул головой и рванул с места так, что ей пришлось схватиться за него. И снова ее не отпускало ощущение, что все это сделано преднамеренно.

Цирховия. Шестнадцать лет со дня затмения

Убей их.

Убей их всех.

Этот голос преследовал его столько, сколько он себя помнил. Вначале он боялся, понимая, что слышать чужой голос у себя в голове — это ненормально, а значит, он болен чем-то страшным и необъяснимым, и нужно искать помощи, нужно как-то спастись. Но признаться кому-то было еще страшнее. Да и кому он мог признаться в таком? Матери, которая любила только отца и жила только им одним? Отцу, который всегда казался холодным, далеким и строгим? Кому можно было поведать жуткую тайну, если за ним уже и так по пятам ходила сомнительная слава неправильного, ненормального ребенка? Нет, стоило бы признаться, что слышишь голоса, и родные лишь обрадовались бы возможности избавиться от него, сдать в дом с железными решетками на окнах, откуда уже никогда не будет хода на волю и где таких вот, никому не нужных и неизлечимо больных пытаются болезненными уколами и электричеством.

Он боялся. И поэтому молчал. Ночами прятал голову под подушку, жалобно скулил как щенок, кусал собственные пальцы, соленные от слез, в надежде, что взойдет солнце и станет легче, голос умолкнет и все пройдет, покажется мимолетным кошмаром, сном, от которого посчастливилось проснуться.

Но голос не умолкал ни на секунду. Приемы пищи, занятия с учителями, попытки играть в своей комнате или просто сидеть и смотреть в одну точку — ничего не помогало отвлечься, и в ушах постоянно звучал приказ: «Убей их!»

Потом он привык. Сам не помнил, в какой момент на него снизошло смиренное понимание: да, он болен. Болен так, что ему уже не помочь. У него никогда уже не будет простых радостей, как у остальных сверстников. Ни одна, даже самая дорогая игрушка не захватывала внимание настолько, чтобы он хоть на секунду забыл о своей болезни. Да и играть постепенно пересталось. Он должен был научиться жить с этим страшным голосом в голове, который каждую секунду призывал убить собственную семью, должен был научиться бороться с самим собой, держать себя под контролем, потому что иначе все стало бы гораздо хуже и страшней. И он научился. Ради мамы, пусть даже она никогда не узнала бы и не оценила этого, ради отца, которого всегда считал идеалом и обожал. Даже ради брата и сестры, хоть они и испортили ему жизнь одним своим появлением.

Он сорвался только один раз. Всего лишь один раз из бесконечного множества одинаково мучительных дней наедине с чудовищем внутри себя. Можно было бы найти оправдания тому срыву. Он рос, в крови бушевали гормоны, наедине с собой становилось еще страшнее, появлялись желания, которые трудно было понять и объяснить, а спросить ни у кого не получалось. Все это слилось в один клокающий коктейль, который в итоге взорвался, выплеснулся наружу, и голос в голове уже не шептал и не приказывал, а радостно вопил: «Убей! Всех!»

Он помнил, как сознание на секунду оставило его, нервы не выдержали напряжения, память будто отшибло. Наверно, его мозги просто отключились, как перегорает прибор, у которого полетел предохранитель. Да, все так и было. Его предохранители полетели, случился неконтролируемый взрыв в башке, и все, что копилось внутри годами, все стены с железными решетками, которые он так тщательно строил в голове, добровольно запирая там

большое чудовище, жадное до чужой крови — все снесло, как лавиной. Он очнулся уже в волчьем теле, ощущая, как зубы глубоко впились в теплую, чуть подрагивающую плоть первой попавшейся навстречу служанки.

Он честно пытался вновь овладеть собой и взять чудовище под контроль. Тормозил себя об углы, чтобы позволить хотя бы кому-то спастись, убежать, спрятаться. Щепки летели во все стороны, с грохотом рушилась мебель, когда он специально бросал свое тело в прыжке мимо жертвы. Но он был молод и силен, слишком силен, чтобы упустить хоть одну движущуюся цель, даже если умом сопротивлялся и не хотел ее преследовать.

Тогда он сдался, потому что понимал — когда бегающие и дерущие глотку человечки закончатся, ему захочется вернуться наверх. В волчьем обличье он чувствовал их запах еще сильнее, чем обычно. Молоко и мед, ванильное печенье с чаем, которое им давала на завтрак нянька, а еще аромат их кожи и волос, так похожий на его собственный, ведь они были одной крови с ним. Наверно, дикий ужас от этой мысли его и спас. Он выдохся, умышленно потратил силы, ударяясь о стволы деревьев в саду, и это его отрезвило. В человеческом облике было паршиво. Все внутренности скручивало, его бедные больные мозги пульсировали в голове, по ним прокатывались мучительные спазмы, а голос сердился и приказывал довести начатое до конца, не останавливаться даже ценой собственной жизни.

Он полз по ступеням лестницы вверх и истошно орал, сам не узнавая свой голос. Орал, потому что не мог заставить себя остановиться. Орал, потому что не понимал, за что именно на него обрушилось все это. Он просил о помощи уже сам не зная кого и в то же время отчетливо понимал: ему никто не поможет. Никто не остановит его. Только смерть — но он был слишком жалок и слаб, чтобы мужественно пожертвовать собой и захотеть ее.

Он дополз до двери и бросил все силы на то, чтобы удержаться на этом последнем рубеже. Конечно, так не могло длиться долго, но он решил, что будет сопротивляться столько, сколько сможет. К счастью, появилась мать, и ее вид окончательно привел его в чувство. В ее глазах он увидел то, в чем так боялся признаться себе и все же иногда повторял тихонько, когда знал, что никто не услышит: это не в его голове поселилось кровожадное чудовище, поработившее тело беззащитного мальчика, это он сам оно и есть.

Больной ублюдок. Эти слова, уходя, прошипела ему няня малышей, которая сразу же после того случая уволилась. Глаза еще не старой, но вмиг поседевшей от испуга женщины горели гневом, когда она покидала дом, призывая на голову убийцы проклятия. И он согласился. Все так и есть, к чему спорить?

Правда, вроде бы убийцы должны испытывать радость от своих преступлений, ведь в этом заключается смысл их жизни. Он не чувствовал радости, только облегчение. Говорят, самое блаженное состояние человека — это не оргазм, а период, когда ничего не болит. В тот момент он поймал себя на мысли, что в голове тихо. Голос молчит. И эта тишина показалась настолько блаженной, что могла сравниться разве что с состоянием, когда после приступа сильнейшей, к примеру, зубной боли вдруг наступает успокоение. Это было его новое открытие, новый виток в борьбе с собственной болезнью, и потом он так много раз прибегал к проверенному способу, что стал зависим от него, как опиумный наркоман.

Но это случилось гораздо позже, и так было не всегда. Он помнил момент, когда голос в голове еще не появился. Или просто появлялся редко? В ту пору младшие дети еще не родились, и он, наивный дурак, считал, что родителям достаточно для счастья его одного. Он и себя считал счастливым, пусть мать и пилила, что надо больше стараться, учиться красиво писать слова и выдыхаться до седьмого пота и боли в мышцах на силовых занятиях. Мол,

чтобы отец больше любил. Ерунда! Он уже тогда понимал, что это — чистой воды обман и уловки, успокоение матерью самой себя, ведь потом, когда родились младшие, его подозрения подтвердились: их полюбили просто так, без учителей и хороших оценок, просто потому что они появились на свет.

Он почти забыл, каково это — жить без них под боком, но ту поездку в дарданийские горы запомнил отчетливо. Мать по обыкновению загорелась идеей, теперь уже — идеей семейного отдыха. Предполагалось, что несколько дней они проведут только вдвоем, семьей. Она надеялась, что отец потратит внезапно образовавшееся свободное время на общение с сыном, сблизится с ним, а заодно и с ней. Не будет шумной столицы с рутинными заботами и всяческими соблазнами, которые та неминуемо несла с собой, только тишина, чистый снег и кристальный горный воздух.

Дарданийские монастыри, лепившиеся на ледяных отвесных скалах подобно гнездам диких птиц, всегда выполняли множество функций. Уставший от жизни отшельник мог найти здесь вечный приют и покой, посвятив остаток дней тихим молитвам во славу светлого бога в окружении монахов с суровыми и лишенными эмоций лицами. Без всяких оправданий, собеседований или подношений: достаточно было лишь преодолеть крутой и скользкий подъем под ударами рвущегося с небес ветра и постучать в массивные двери, вырубленные в горной породе. Бездомные дети, которые неминуемо пропали бы с концами в узких улицах бедняцких кварталов, учились тут наукам и превращались в воспитанных людей, смиренных и послушных. Таких с удовольствием нанимали в богатые дома в качестве экономок, нянек или личных учителей, ведь всем было известно — прошедшие школу в дарданийском монастыре уже никогда не позволят себе ни дурных мыслей, ни, тем более, дурных поступков.

Но помимо важной и безотказной помощи всем нуждающимся, за отдельную плату здесь предоставляли возможность просто отдохнуть. Ведь не обязательно навсегда завязывать с привычным образом жизни, иногда хочется лишь привести мысли в порядок, насладиться красотой природы или сменить обстановку. Комнаты для таких людей обставлялись иначе, чем служебные помещения монастырей. Тут не жалели дров для камина, чтобы огонь ярко и жарко полыхал днем и ночью и можно было наслаждаться теплом, сидя в уютном кресле-качалке перед огромным панорамным окном, и радовать глаз, обозревая с высоты птичьего полета заснеженные склоны и хребты.

Широкие и мягкие кровати, словно созданные, чтобы на них предаваться любви, красивые тканевые драпировки, услужливые и внимательные монахи с сильными руками, всегда готовые сделать расслабляющий или, наоборот, тонизирующий массаж и растирание кусочками льда. И обязательно — огромная чаша термального источника под открытым небом, пахнувшая немного странно и неприятно, но доставляющая неопишуемое удовольствие при погружении в нее. Неудивительно, что многие молодожены свой медовый месяц проводили именно тут. Неудивительно, что и его мать выбрала это место тоже.

В чем-то ее план сработал именно так, как хотелось. Родители увлеклись друг другом, как будто встретились в первый раз, и постоянно пропадали то в термальном бассейне, то на массаже, то запирались в спальне, выставляя сына «погулять» и полагая, что тут, в непривычном и незнакомом месте, ребенок найдет кучу интересного и любопытного и сам не захочет сидеть в четырех стенах.

И он нашел. Это была темно-серая грубо сколоченная скамья без спинки, установленная на самом склоне крутого изгиба горы. Неизвестно, кто и для чего поставил ее тут: на

вершине постоянно свистел ветер, он бил то в спину, то в лицо, и, как ни сядь, пробирался за пазуху и охлаждал тело. Основные монастырские строения оставались ниже, сюда от них вела едва заметная и почти нехоженная тропа среди голых камней. Кроме того, ступать по ней и пользоваться скамьей было просто опасно, почти от самых ног начинался обрыв и где-то далеко внизу отвесной стены темнели верхушки деревьев. Высокие и широколапые сосны казались отсюда, с высоты, крохотной мелкой порослью. Наступи — и окажутся по щиколотку.

Он, никем не замеченный, забрался сюда из детского любопытства, сел на эту скамью, чтобы передохнуть, и... пропал. На какой-то из праздников отец дарил ему такую игрушку: стеклянный шар, приклеенный к плоской деревянной подставке. Там, под куполом этого шара, открывался целый мир. Там тоже были горы с острыми зубцами вершин и извилистыми хребтами, был крохотный темный лес у подножия, а еще — маленький темно-коричневый домик, притулившийся где-то между небом и землей. Окна у домика выкрасили ярко-желтой краской, что обозначало теплившийся в них свет. Наверно, тот, кто создавал игрушку, просто-напросто копировал дарданийский пейзаж, очень уж очертания совпадали. Возможно, мастер даже сидел на этой самой темно-серой скамье, когда задумывал работу — так походил угол обзора и вид. Только домика не хватало, в реальности его не существовало.

Секрет шара заключался в том, что если перевернуть его и потрясти, снег, прежде толстым покрывалом лежавший на горах и долинах, бурей поднимался вверх, водоворотами окутывал вершины и хребты, а затем медленно, совсем по-настоящему, оседал вниз и снова ложился неподвижной пеленой. Дмитрий мог часами сидеть, переворачивая игрушку и наблюдая, как каждый раз снег укладывается по-новому. Узоры никогда не повторялись. И вот, усевшись на скамью, он вздрогнул и забыл, как дышать. Потому что в тот момент ему показалось, что он снова держит в руках волшебный шар, и стоит лишь захотеть, сможет поднять и перевернуть его, взбаламутить белые хлопья и любоваться их медленным танцем в воздухе.

Он никогда и ни для кого не упоминал вслух о том моменте, просто потому что не хватало слов для описания красоты и восторга, которые наполнили его изнутри. Разреженный по сравнению с низинами воздух рвал легкие, но тогда казалось — это от переизбытка эмоций. Он сидел и держал на руках весь мир, он мог управлять им по своему желанию и испытывал настоящий трепет создателя, наслаждающегося своей работой. Ему даже не хотелось переворачивать творение и поднимать бурю. Пусть все остается спокойным. Ему хватало тихого упоительного созерцания и осознания собственной власти над тысячами жизней, распростертых у его ног. Казалось, в тот момент он прекрасно представлял, что ощущает светлый бог, когда сидит и смотрит с высоты на Цирховию и ее жителей. Казалось, он и есть этот светлый бог, и вдруг нашлось объяснение, что это за скамейка и кто и зачем ее тут поставил.

Вот за этим она тут и была. Всегда, с самой первой секунды, как возник этот мир.

Он ходил на это место каждый день, до самого отъезда, и просиживал там буквально с рассвета и до заката и все равно не мог в достаточной мере насытиться зрелищем. Отбыв положенное количество дней, семья покинула дарданийские горы. Отец снова стал прежним, мать погрузилась обратно в пучину переживаний, но Дмитрий чувствовал себя другим. Своим детским умишком он понял что-то, что не мог сформулировать. А потом голос в голове заговорил с ним, и оставалось лишь вспоминать ту скамью на склоне, на которую он не вернется уже никогда.

— Помогите! Помогите же кто-нибудь! Да что за люди тут такие!

Голос был испуганным и огорченным. А еще — женским. Дмитрий отметил это краем сознания, которое начало возвращаться. Он ощутил, как знобит от холода все тело, а затем услышал плеск воды и понял, что лежит наполовину в воде, а чьи-то слабые и тонкие руки обхватывают его голову и трясут, заставляя скорее прийти в себя.

Приходить в себя не хотелось, но куда деваться?! Он разлепил веки и тут же сомкнул их обратно, потому что его голову уронили на землю так, что камни впечатались в затылок, а к губам намертво прижался чей-то пахнувший вишней рот. Поэтому он попритворялся мертвым еще какое-то время, пока девушка пыталась вдохнуть в его легкие воздух. Дыхание у нее тоже было вишневым, и ему это не понравилось. Потому что если она понравится ему, то уже ей, в свою очередь, не понравится то, чего захочет он.

Все просто.

Наконец, ему надоело валяться на мокрой и скользкой земле и терпеть чужие неумелые попытки реанимирования, и тогда он поднял руки и легко девушку оттолкнул. Пожалуй, силы все-таки не рассчитал, потому что она отлетела и плюхнулась на попку, растерянно хлопая ресницами. Дмитрий приподнялся на локтях, подслеповато прищурился, огляделся, чтобы понять, куда попал.

Солнце стояло высоко над головой, день был в самом разгаре, чуть поодаль размеренно шумели речные доки, а сам он оказался голым, и это означало, что обернулся в человека уже в реке, в которую и прыгнул... зачем? Утопиться?

Вариант вполне подходил, и Дмитрий решил не сбрасывать его со счетов. Кто знает, что могло прийти ему в голову в момент очередного помутнения рассудка? В последнее время такие провалы случались все чаще, и он с безразличием обреченного человека лишь отмечал про себя их длительность и периодичность, как будто зарубки ставил.

Он перевел взгляд на свою «спасительницу», решив разглядеть ее получше. У нее были темные, коротко подстриженные волосы, но такая стрижка удивительно ей шла, подчеркивая изящный контур лица и тонкий профиль. Клетчатая рубашка, узлом повязанная чуть ниже миниатюрной груди, открывала плоский белый живот с аккуратной впадинкой пупка и без единого изъяна кожи. На бедрах сидели короткие джинсовые шорты, а на шее на широком ремне висел тяжелый дорогой фотоаппарат. Не местная? Туристочка? Скорее всего, судя и по виду, и по поведению. Шляется тут, возле доков, доверчиво спасает всякий мусор, прибитый к берегу. Даже не заподозрила, кто он такой...

Девушка, тем временем, оправилась от шока и даже приподнялась с земли, отряхивая испачканные шорты. Сполоснув руки от грязи тут же, в воде у берега, она вдруг широко улыбнулась и протянула Дмитрию ладонь:

— Петра. Приятно познакомиться.

— Ну и имечко, — с презрением проворчал он и проигнорировал ее дружелюбный жест. Пусть сразу знает, с кем имеет дело.

Но незнакомку не смутил ни его грубый тон, ни сердитое выражение лица.

— Нормальное имечко, — беззаботно пожала она плечами, — у нас в Нардинии считается даже красивым.

Значит, точно туристка. Чутье не подвело. Впрочем, чему удивляться? За свою не очень длинную жизнь он видел столько людей во всех их проявлениях, что научился читать по глазам и между строк. Дмитрий сел и подтянул колени к груди, решив, что она уже

достаточно на него насмотрелась. И ведь даже бровью не повела! Голос в голове заинтересованно встрепетул и шепнул, что если убить эту девчонку, ее не найдут быстро и никто не хватится, потому что здесь, в доках, обычно никому ни до кого нет дела, а одинокие путешественницы редко отчитываются кому-то о каждом своем шаге в другой стране. По крайней мере, не заранее. Наверняка к реке ее привело простое любопытство, и направлялась она изначально совсем не сюда, а дальше, на набережную, фотографировать местные достопримечательности...

— И что оно означает? — процедил Димитрий, едва подавив желание схватиться обеими руками за виски, чтобы хоть как-то заглушить непрошеного советчика. Оставаясь наедине с самим собой, он так бы и сделал, но при посторонних приходилось сдерживаться. И отвлекаться. Хотя бы на беседу о чьем-то глупом имени.

— Скала, — тоненькая, похожая скорее на тростинку Петра улыбнулась немного смущенно, показывая, что уже привыкла к подобным вопросам и даже предугадывает последующую реакцию на ответ.

Он так посмотрел, что она рассмеялась. Видимо, именно на похожие взгляды и натывалась каждый раз, объясняя значение своего имени.

— У нас в Нардинии побережье в основном состоит из отвесных скал, на которых гнездятся чайки. Когда они все вдруг срываются с камней и поднимаются белым облаком — это очень красивое зрелище. Быть скалой очень почетно, без скал не было бы чаек и всей этой красоты.

Смеялась она вкусно. А еще ее губы пахли вишней. Ему так сильно захотелось лизнуть их еще раз, что он сглотнул, с трудом загоняя это желание поглубже внутрь себя.

— Не шлялись бы вы тут, майстра... — просипел, отводя глаза в сторону, туда, где вода омывала блестящие на солнце мокрые камни. — В доках работают пьяницы и матросы. И те, и другие с удовольствием зажмут красивую девушку так, что и пикнуть не успеете.

— А я и не шляюсь, — она снова смеялась, дразня его и не подозревая, что похотливые пьяные матросы покажутся ей лучшими друзьями, если он хоть на секунду даст голосу в голове волю. — Я хотела сделать снимки птиц.

Петра указала в сторону рыболовецкого суденышка, которое, попыхивая черным дымом из трубы, направлялось в порт. Стая серых речных птиц, пронзительно крича, вилась над палубой, а чешуя свежельвленной рыбы, еще бьющейся в сетях, сверкала на солнце, как расплавленное серебро с платиновыми искрами.

— Корабль везет настоящий клад в их понимании, — пояснила девушка, мечтательно глядя вдаль, — от такого соблазна трудно удержаться.

Проклятье! Неужели вчера он никого не убил или убил недостаточно?! Голос в голове был настойчив, и Димитрий догадывался почему: чем дольше удавалось сопротивляться, тем мощнее потом случался взрыв в башке. Зная эту особенность, он старался регулярно позволять себе небольшие «срывы», позаботившись, чтобы при этом пострадало как можно меньше невинных жертв. Но Петра все больше казалась тем сияющим кладом, над которым он хотел кружить, раскинув крылья подобно хищной птице.

Внезапно она стала серьезной.

— Вам нужна помощь, — произнесла девушка с сочувствием в голосе, не спрашивая, а утверждая. — Давайте я помогу найти полицию. Вас избили? Обокрали? Бросили в реку умирать?

Теперь уже ему стало смешно. Его избили?! Последним, кто его бил, был отец, если не

считать тех, кому он сам позволял врезать себе по морде, но такое все равно заканчивалось не в пользу ударившего смельчака.

— Нет. Никакой полиции не нужно.

— Но... — на миг она растерялась, а затем прищурилась: — Все понятно. Денег не дам, извините. Просто знаю, что вы не удержитесь и потратите их не на то, что надо. Но если хотите, пойдем, я тут видела пекарню неподалеку. Я куплю вам хлеба или пирог с мясной начинкой.

— Что?! — Димитрий расхохотался, поймав себя на мысли, что не делал этого очень давно. Даже голос в голове замолчал на какое-то время, и на душе стало легко и свободно, как не было уже много лет подряд.

— Я все поняла. Вы — бродяга, — Петра констатировала этот факт с прискорбием, словно врач, сообщающий пациенту, что тому осталось жить считанные дни. — У вас нет одежды, и вас не обокрали, потому что красть попросту нечего. Наверняка вы полезли в реку помыться, но были не совсем трезвы, поскользнулись, упали и чуть не утонули. — На ее лице появилась гримаска презрения. — На чем бы вы там не сидели, бросайте это, пока еще можете соскочить.

Он покачал головой, все еще находясь под впечатлением, а она лишь с жаром продолжила проповедь:

— Завтра вы снова полезете купаться, но вода окажется слишком холодной, вам сведет ногу, а меня не окажется рядом, и вы утонете. Или вас прирежут в пьяной драке за бутылку или дозу опиума. Или... — девушка оборвала себя на полуслове и поежилась. — В общем, не лучше ли взять себя в руки, устроиться на работу, найти крышу над головой и наладить жизнь, пока не поздно? Честный труд, он облагораживает человека...

— Я не могу соскочить, — произнес Димитрий торопливо, пользуясь тем, что голос в башке молчит. Ей нужно убираться скорее, раз выпала такая возможность, она даже не представляет, как ей повезло сейчас.

Петра замолчала и уставилась на него, брови чуть сошлись на переносице, выдавая напряженную работу мысли.

— С того, на чем сижу я, не соскакивают, — продолжил он. — Мной управляет голос в голове, который постоянно приказывает убить мою семью. Естественно, я не собираюсь этого делать, но бороться с ним трудно... очень трудно. Поэтому, чтобы жить спокойно, мне нужно убивать кого-нибудь еще. На крайний случай — просто причинять боль или заниматься сексом до одурения. Поэтому если ты не хочешь разделить со мной хотя бы последние два удовольствия, бери свои худые ноги в руки и вали отсюда, пока я разрешаю.

Несколько секунд она оторопело обдумывала информацию, потом попыталась рассмеяться, но смех вышел натянутым и невеселым. Сумасшедший — вот что сквозило в ее глазах. Она правильно все расценила и поняла, что у него не все дома, но разве не этого он и добивался?! Ничего особенного, в общем-то, и не поведал, если бы она прожила в столице хотя бы несколько лет, то и сама наслушалась бы о нем историй и стала узнавать на улицах и обходить стороной. А так, считай, краткий экскурс по самому важному уже пройден.

— Но... у вас нет одежды... — пролепетала Петра слабым голосом и чуть отодвинулась назад.

— Потому что я люблю разгуливать по улицам голым.

— Вы же чуть не утонули...

— Иногда мне нравится причинять боль и себе. Это тоже успокаивает.

Ее лицо вдруг стало жестким.

— Знаете что, — она вскочила на ноги и дернула сумочку, висевшую на бедре, — это просто глупо. Если не хотите признаваться, что скатились на самое дно, не обязательно выдумывать такие истории. Я знаю, посмотреть правде в глаза очень трудно, а принять чью-то помощь наверняка гордость не позволяет, да? Вот, — она порылась в сумке и швырнула на землю возле него шоколадку в яркой обертке и несколько монет, — это все, что у меня есть из еды. Подкрепитесь. Купите себе... похмелиться.

Последние слова Петра буквально выплюнула. Нет, она не посчитала его сумасшедшим. Он не оправдал ее надежд, ударился в нелепую ложь вместо того, чтобы вежливо поблагодарить за доброе отношение. А она ведь поначалу пожалела его!

Димитрий равнодушно проводил взглядом ее удаляющуюся фигурку, затем сгреб шоколад и принялся жевать. Есть и правда хотелось зверски, небольшой, с два пальца руки, батончик, набитый карамелью и орехами, он проглотил за пару секунд. Деньги брать не стал. Серебристые плоские кругляшки так и остались валяться в грязи, пока он огляделся, убедился, что вокруг нет ни единой живой души, и побрел, слегка прихрамывая и ощущая ломоту во всем теле.

Его путь лежал в сторону доков, где рабочие все так же стучали и перекрикивались на разные голоса, в огромную трубу очистных сооружений. Если уж нужно среди бела дня пересечь полгорода не в самом приглядном внешнем виде, то лучшей дороги, чем через владения свободного народа, не придумаешь.

Огромный город, почти повторяющий по очертаниям тот, что находился на поверхности, раскинулся и под землей. Темные, едва освещенные смоляными факелами переходы и сырые катакомбы заменяли тут улицы и дома. Щипачи, медвежатники, гопники, карманницы, рыночные попрошайки, инвалиды настоящие и мнимые обитали здесь не менее густо, чем благовоспитанные граждане в своих жилищах над их головами. Многочисленные хитросплетения труб и коммуникаций, питающих наземные строения, находились и в полном распоряжении глубинных пользователей. Подземный мир походил на пиявку, намертво присосавшуюся к своему донору в таком месте, откуда ее невозможно достать.

Свободный народ не терпел чужаков, там все знали друг друга в лицо и наперечет, но Димитрия пропускали с молчаливой ненавистью в глазах. Ссориться с прислужниками темного бога не входило в их планы. Впрочем, в конфликты со сторонниками светлого они так же не вступали: свободный народ оттого и звался свободным, что не принадлежал ни к одному из верований. В катакомбы к ним решился бы сунуться разве что безумец — не зная всех поворотов и ответвлений, здесь можно было плутать бесконечно и в конце концов оказаться прирезанным безмолвной тенью где-нибудь в темном тупике ради кошелька или теплой одежды. Даже полиция не рисковала, предпочитая ловить мошенников исключительно на поверхности и закрывать глаза на место, где они прячутся под землей.

Димитрий хоть и считался безумцем, но ориентировался тут отлично, а ходить за ним было попросту опасно — в любой момент преследователь мог сам превратиться в жертву. Поэтому когда он уверенно шел полутемными коридорами, и его босые ноги бесшумно ступали по утопанной земле, тени пугливо растворялись в нишах, а чумазые и косматые женщины, сидящие у костров в тех местах, где имела тяга для дыма, испуганно прижимали к груди оборванных детей.

Его их компания наоборот не смущала. Ему нравилось здесь, в наполненных спертым сырым воздухом могилах для живых. Нравилось, что он может идти, не скрывая своей

наготы, раскинув руки и едва касаясь кончиками пальцев стен по обе стороны от себя, и даже самые освещенные и оживленные участки пути вмиг становятся тихими и пустыми, потому что где-то далеко впереди него среди свободного народа уже бежит шепоток: «Идет Волк, прячьтесь, прячьтесь...»

Это напоминало по ощущениям тот момент, когда он сидел на старой скамейке в дарданийских горах, хоть и не могло, конечно, сравниться в полной мере. Но все-таки, если уж ему не выпало управлять миром с высоты, он завладел хотя бы его крохотной, подземной частью и довольствовался этим.

На то, чтобы от реки добраться до главного храма темного бога, Димитрию потребовалось около часа. Он бы преодолел это расстояние быстрее, если бы увеличил шаг, но торопиться не захотел. Да и спина побаливала. Видимо, приложился где-то во время ночных приключений. Белые волки обладали повышенной регенерацией, грубо говоря, все его раны заживали как на собаке, на излечение самой глубокой требовалось не более суток, поэтому только по остаточным неприятным ощущениям он мог догадываться о тяжести увечья.

В храм, уходящий на много уровней в глубь земли, можно было попасть напрямую из коридоров свободного народа, чем Димитрий и воспользовался, свернув в нужном месте и открыв нужную дверь. Тщательно замаскированный ход служил для обеих заинтересованных сторон: иногда какой-нибудь воришка, убегая от полиции, скрывался в храме, а погнавшимся за ним полицейским оставалось лишь разводиться руками — растворился без следа, хоть все вверх дном переверни, не иначе как темный бог под свое крыло взял.

Днем в помещениях храма было тихо и сонно: основная жизнь кипела здесь по ночам. Единственная попавшаяся навстречу окта влипла в стену и опустила голову, пропуская Димитрия и опасаясь встречаться взглядом. Они все боялись его, хоть он никогда ни одну из них и пальцем не тронул, так как проводил в храме большую часть свободного времени и «своих» старался не обижать. По крайней мере, в те моменты, которые помнил.

Войдя в личные комнаты, выделенные ему здесь в безраздельное пользование, Димитрий застал на своем диване обнимающуюся парочку. Молоденькая нонна, явно из новеньких, откинув голову и томно прикрыв глаза, сидела на коленях у его помощника и по совместительству приятеля по имени Ян. Ее белое платье было спущено до самой талии, а его руки и губы играли с ее обнаженной грудью. При появлении хозяина комнат девушка сдавленно пискнула, вскочила, на ходу натягивая ткань на плечи, и выбежала в дверь. Ян с недовольным видом прищелкнул языком и откинулся на спинку дивана. Не оставалось сомнений, что если бы Димитрий явился чуть позже, то застал бы их за еще более интересным занятием, и Ян ощущал себя так, будто у него из-под носа увели сладкую морковку.

— А ночь была полна забав, как я погляжу, — едко заметил он, наблюдая, как Димитрий пересекает комнату, а когда тот остановился и повернул голову, тут же сбавил тон: — А я как знал, уже и одежду приготовил. Вон там.

— Я в душ, — коротко кивнул Димитрий.

Их связывали странные отношения, и эта странность заключалась не только в том, что Ян, пожалуй, единственный мог отпускать язвительные комментарии и не бояться смотреть в глаза тому, кого так опасались остальные. Скорее, удивительным было то, что он сам выбрал белого волка в качестве своего господина. Вскоре после того случая, когда Димитрий сорвался и перебил всех слуг в доме, к нему прямо на улице подошел худой оборванный

мальчишка примерно его же возраста и доверительно шепнул:

— С этого дня я буду служить тебе.

Димитрий принял это как еще один выбор, который кто-то неведомый сделал за него. Ян принялся что-то рассказывать про больную младшую сестру, про то, что они с матерью из свободного народа, а значит, денег на лекарства нет, и надежда на выздоровление почти потеряна. Про то, что ему было обещано, что сестра встанет на ноги, если он отыщет белого волка, о котором теперь говорят все, и навсегда останется с ним рядом.

Ради этого Яну пришлось уйти в прислужники темного бога, и свободный народ отверг его — они не терпели перебежчиков — но теперь, по прошествии нескольких лет, оказалось, что он даже неплохо устроился. Все нонны были к его услугам, и то, что они дарили другим за умеренную, а иногда и высокую плату, доставалось ему бесплатно и в неограниченных количествах. Именно Ян в свое время лично провел Димитрия по всем подземным ходам, позволяя изучить каждый поворот, который знал с рождения. Именно он устроил эти комнаты в темпле и занимался всеми текущими вопросами. Все силы Димитрия уходили на борьбу с голосом в голове, и он сглотил бы, если б отказался от такой помощи.

Сестра Яна, кстати, поправилась, выросла и расцвела, стала одной из лучших карманниц на площади трех рынков. Кто-то назвал бы ее выздоровление чудом, но Димитрий не верил в чудеса. Он верил в силу,двигающую живыми людьми, как пешками на доске, так как чувствовал, что сам является точно такой же пешкой. В детстве он, конечно, думал иначе. Даже сам не стал исключением и тоже просил темного бога о помощи. Давно, еще до рождения младших. Устав от бесконечных придинок матери и равнодушного отношения отца, он по ребяческой наивности как-то загадал самое сокровенное желание — чтобы родители помирились, чтобы в их семье наступил мир и покой. И что? Разве желание исполнилось? Разве случилось чудо?

— Вечером ты занят, — безапелляционно заявил Ян, стоило Димитрию с полотенцем в руках явиться из душа. — И должен быть в форме.

— Я всегда в форме, — мрачно отозвался тот, резкими отрывистыми движениями вытирая мокрые волосы. — Что еще?

— Партия опиума из Нардинии прибыла без проблем, — со скучающим видом принялся перечислять помощник. — Оттуда же приехал какой-то урод, который слышал о тебе и непременно хочет встретиться. Силач, типа, там местный. Считает, что ты эту встречу не переживешь.

Димитрий слабо улыбнулся, швырнул ему полотенце, подошел к разложенной на стуле одежде и принялся одеваться.

— Назначай ему встречу.

— Уже назначил, само собой. За кого ты меня принимаешь? Ставки будут высоки, чувствую, мы славно заработаем на этом идиоте. Дальше... у нас завелся неблагодарный клиент. Обворовал одну из наших девушек, при этом, естественно, кинул на деньги. Правда, признался, когда полиция взяла его за жабры. Я сказал, что если повторится, в следующий раз он будет разговаривать уже лично с тобой.

Димитрий кивнул.

— Дальше... — Ян сделал паузу, поглядывая на него, — в общем, твоя мать сегодня снова была здесь.

Димитрий опять кивнул с тем же выражением лица, намекая, что слышал новость и можно переходить к следующей.

— Ты когда-нибудь собираешься сказать ей? — не выдержал помощник.

— О чем?

— О том, что ее здесь просто разводят на деньги, о чем же еще! О том, что ей здесь расскажут все, что она хочет услышать, лишь бы продолжала ходить и отваливать подачки! Рамон держит ее на крючке уже много лет, а ты сам знаешь, как он умеет пудрить мозги женскому полу.

— Если ей хочется верить, что здесь водятся особо приближенные к темному богу, и через них он слышит ее желания, то пусть верит, что я могу поделаться? — пожал Димитрий плечами. — Для Рамона это работа, я не могу отбирать у него хлеб. И это ее деньги, пусть тратит, на что хочет, я их не считаю. Свои деньги я зарабатываю сам.

— Но Рамон спит со всеми своими женщинами, — многозначительно понизил голос Ян. — Со всеми, кого ведет хотя бы какое-то время. Ведь за этим они сюда и приходят, хоть иногда даже сами себе не признаются. Одинокие, недолюбленные и недоласканные, как он сам про них выражается. Он всех прокатывает по одной и той же программе. Это значит, что твоя мать изменяет с ним твоему отцу.

— Ему надо повнимательнее приглядывать за женой, что ж поделаться, — возразил Димитрий, застегивая последние пуговицы. — Я уже вышел из того возраста, когда любовь папочки и мамочки кажется чем-то нерушимым и священным. Они не лезут в мою жизнь, я не трогаю их — таков уговор.

— Ты — циник, — весело хмыкнул Ян, окончательно сдавшись. — Ах, да. Еще звонил твой брат, просил забрать из школы. Я сказал, что ты подъедешь. Ты, кстати, уже опаздываешь. Еда на столе, под салфеткой. Можешь успеть перехватить пару кусков.

Димитрий даже не скрывал, что упоминание о брате ему не по душе. Конечно, он оставлял тем или иным людям телефонный номер, по которому за него отвечал Ян, и Кристофу его зачем-то давал в том числе. Но только на экстренный случай, вроде конца света, а не для всякой ерунды.

— Ты договорился, ты за ним и езжай, — бросил он и подошел к столу.

— Э, нет, — Ян покачал головой, — братик ждет именно тебя, между прочим, он меня даже по голосу от тебя не отличил. Он не в курсе наших с тобой дел и отношений, и тебе явно проще поехать лично, чем потом долго и пространно объяснять ему, кто я такой.

— Нечего тут объяснять, — буркнул Димитрий с набитым ртом, но уже и сам понимал, что выбора нет. Дураку-братцу хватит ума податься пешком, а с его неумным любопытством на пути обязательно встретятся приключения. Потом придется договариваться за него со свободным народом, совершать много лишних телодвижений... и почему он до сих пор заботится о младших, которых ненавидит в глубине своей темной души?!

Димитрий тяжело вздохнул и сгреб со стола ключи.

Цирховия. Шестнадцать лет со дня затмения

Благополучно спровадив Эльзу, Северина вся извелась в ожидании ее старшего брата. Она ни секунды не сомневалась, что все слухи о нем сильно преувеличены. Мало ли завистников у их семьи? Вон, отец успешно подвизается в парламенте, мать — таких древних корней, что сам канцлер ей то ли четвероюродный брат, то ли внучатый дядя, и все у них ладно и складно. Конечно, тем, кто живет победнее и похуже, хочется макнуть более успешных людей в грязь, вот и ударяют по слабым местам, распуская слухи о детях.

Или это делают его отвергнутые любовницы. Неудачницы, на которых он не посмотрел. Несмотря на то, что подруга уверяла: Димитрий женщинами не интересуется, Северине в это слабо верилось. Просто Эльза смотрела на брата зашоренными глазами из-за своих детских непонятных и выдуманных обид, а еще она — глупая неопытная девственница, не сведущая в мужчинах почти ничего.

Знающие девушки, которые на самом деле имели с ним близкие отношения, рассказывали в подробностях как это было, и выходило по их словам восхитительно. Уж они бы не стали врать, если б что-то пошло не так. Мол, в постели он всегда вел себя нежно и чутко, а когда страсть подходила к концу, оставлял щедрые подарки. Ну и что, что ни одна из них этих подарков в качестве доказательства предъявить не смогла. Вообще-то, не каждая станет даже болтать о подобном, Северине и так обычно стоило большого труда добыть хоть крупицу информации из кокетливо поджатых губ своей швеи, к которой ездила шить платье к выпускному, а заодно получать свежие новости, услышанные от других клиенток. Так что имен счастливиц Северина не знала, но была уверена — все они из ее круга, из белых волчиц и аристократок.

Сама она не сомневалась: с первой встречи у нее случилась привязка к нему, а это значило, что им просто суждено быть вместе. Привязка — это когда ты душой и телом хочешь принадлежать только одному человеку, и так будет всегда. Конечно, случается, что пары сходятся и живут вместе и без всяких привязок, но Северине так не хотелось. Она мечтала, что когда-нибудь старший брат ее подруги тоже разглядит в ней ту самую, свою единственную, и почувствует то, что чувствует она. А в последние месяцы она потеряла терпение и от пустых грез перешла к более активным действиям.

Все объяснялось просто. Северина повзрослела. Она поняла это, когда, слоняясь от скуки по пустому родительскому дому, наткнулась на девушку-служанку и ее жениха, которые воспользовались тем, что хозяин вечно отсутствует, а экономка совсем обленилась и ослабила надзор. Сначала ее насторожили тихие вздохи и стоны, долетавшие из кладовой. Приоткрыв дверь, Северина обомлела, но досмотрела представление до конца. Только вместо кудрявого парня с крупными потрескавшимися руками, лапавшего свою раскрасневшуюся от удовольствия подружку, она видела Его. Димитрия, с его холодным красивым лицом и вечно задумчивым, будто обращенным внутрь себя взглядом. Это его сильное и гибкое тело представало перед ней обнаженным во всех подробностях. И, конечно, в его объятиях она видела себя.

Ей стало жарко, внизу, между ног, потекла влага, пришлось оставить наблюдательный пост, подняться наверх и принять душ. Потом она долго стояла перед зеркалом и смотрела на свое тело, уже совсем женское, а не девчачье, и представляла, что это он смотрит на нее с восхищением и вожделением. А потом она опустила руки вниз и впервые довела себя до

оргазма, размышляя, похоже ли это на те ощущения, которые другие девушки испытывали с ним.

От собственных смелых мыслей ее сердце начинало трепыхаться в груди. Скоро, скоро она тоже ляжет с ним в постель. Девственность? Да плевать на нее! Отцу все равно, он не заметит, даже если дочь помрет ненароком, а Дмитрий наверняка оценит, какой подарок она ему преподнесет в своем лице. Он просто не может не оценить. Ну и потом, конечно, они в любом случае поженятся, так что какая разница, до брака все случится или после? Он — взрослый мужчина, ему нужен секс... и, кажется, ей тоже.

В ожидании его приезда, стоя на площади, Северина достала из сумочки косметику и накрасилась. Она всегда таскала с собой все необходимое, и хотя в школу заставляли ходить с чистым лицом, никто не мешал им с Эльзой после уроков приводить себя в полный порядок, а затем уже идти гулять в парк. Она специально погуще нанесла на ресницы тушь, положила на веки темные тени, а губы накрасила ярко-красной помадой. Все. Теперь в зеркальном отражении появилась не бледная старшеклассница, а настоящая взрослая женщина, готовая к встрече со своим мужчиной.

Черный, длинный — и очень дорогой, без сомнения — кар Дмитрия плавно затормозил у кромки тротуара, а дальше Северина стала сама не своя. Она практически отпихнула Кристофа, который полез было в салон, каким-то чудом умудрилась занять переднее кресло рядом с водителем, постоянно что-то говорила низким и слегка хриловатым голосом, чтобы стало понятно — она знает толк в сигарах и умеет курить. Почему-то ей подумалось, что ему нравятся смелые женщины, которые курят. Вообще, чем меньше она будет смахивать на девственницу, тем лучше, ну а потом, когда дело дойдет до того самого, выйдет, как говорится, приятный сюрприз.

Дмитрий, по своему обыкновению, был мрачен и задумчив, на Северину едва взглянул, а брата вообще будто и не заметил. Кристоф, как неуклюжий щенок, притулился на заднем сиденье и уставился в окно. Его планы на вечер провалились, сестра отобрала драгоценную реликвию и скрылась с неизвестным типом, и он явно чувствовал себя неудачником и хотел скорее убраться домой и зализать там раны. Северина пустилась в объяснения о том, что ей тоже очень нужно к себе, но везти ее первой нельзя ни в коем случае, потому что сначала необходимо забрать какой-то учебник из комнаты Эльзы, и поэтому они могут сперва заехать и высадить Криса, она быстро сбегает за книжкой, ну а потом, если Дмитрий будет так добр, он доставит и ее по месту назначения...

— Где Эльза? — перебил он ее, кажется, прямо на середине фразы.

Эльза? Северина поморгала, собираясь с мыслями. Какая Эльза?! Ох, пресвятой светлый бог, точно! Она и забыла, что Дмитрию наверняка станет любопытно, куда подевалась сестра. Набрав в грудь новую порцию воздуха, Северина легко выложила правду о знакомстве подруги с парнем на мотокаре и уверила, что та наверняка уже самостоятельно добралась домой и ждет ее, чтобы отдать книгу. При этом не забыла всячески подчеркнуть, что хоть и является уже взрослой и опытной женщиной, но девушка приличная и в отличие от Эльзы с кем попало на мотокаре бы не поехала, так что поступок осуждает и считает опрометчивым. Пусть принц ее мечты знает, что она не вертихвостка какая-нибудь и станет хорошей и добропорядочной женой. Вот.

Дмитрий выслушал равнодушно. Похоже, судьба сестры его не очень заботила, и спросил он скорее из приличия. Дальше все пошло гладко и по плану. Остановившись у ворот особняка, Дмитрий высадил младшего брата и после некоторых уговоров — а скорее, не в

силах вынести непомерного обаяния, так и льющегося из Северины — согласился ее подождать. Он дал понять, что торопится, и она никогда еще в жизни не бегала так быстро, как по дорожке до их дома, вверх в комнату подруги, где схватила с полки первый попавшийся учебник, и обратно к воротам. Крис только проводил ее круглыми глазами и покрутил у виска, а Эльза, кстати, до сих пор не приехала, но в тот момент Северине было не до размышлений о подруге.

К счастью, кар ждал ее. Передняя дверь была распахнута, как Северина и оставила ее, бросившись с места в карьер. Мотор работал, Димитрий сидел, положив одну руку на руль и отвернувшись к окну. Он так задумался, что не сразу заметил, что она вернулась. Пришлось коснуться его. Точно отработанным, мягким и нежным жестом положить руку на плечо. Наконец-то они остались вдвоем, и Северина призывно улыбнулась, когда он медленно повернул к ней голову. Правда, тут же вздрогнула — его глаза были не серебристыми, как положено, а совсем черными, так что не понять, где зрачок, а где радужка, — но, моргнув, поняла, что ошиблась: вот же, все в порядке, холодный лед в его взгляде никуда не исчез.

Это она и любила в нем: неприступность и загадочность, какую-то печальную задумчивость, вечное погружение в собственные мысли. Хотелось понять, о чем же он думает? А вдруг о ней, подбирая возможные варианты дальнейшего развития событий?

Возможно, Димитрий тоже что-то чувствовал к ней, потому что не решался заговорить первым, даже когда они тронулись с места, смотрел лишь прямо перед собой, на дорогу. Время шло, и Северина поняла, что если не возьмет дело в свои руки, то так и доедет до дома, упустив шанс. Ох уж эти мужчины, какие они робкие и нерешительные, когда дело касается настоящих волнующих эмоций!

Ловко поддернув юбку повыше, чтобы открыть бедра, она откинулась на сиденье, помахала на себя ладонями, а затем демонстративно расстегнула верхнюю пуговицу на блузке.

— Что-то жарко сегодня, да?

Не отрывая взгляда от дороги, он шевельнул рукой и опустил до упора стекло с ее стороны. Так Северине не нравилось, ветер бил в лицо и трепал волосы, глаза начали слезиться, а значит, вот-вот могла потечь тушь, и в итоге она рисковала к концу поездки из шикарной красавицы превратиться в лохматую панду.

— Закрой, пожалуйста, мне дует, — она положила ладонь на сгиб его бедра, совсем рядом с карманом брюк. Вроде как коснулась невзначай, привлекая внимание к своей проблеме, но рука осталась лежать на прежнем месте, даже когда Димитрий, пожав плечами, выполнил просьбу.

Северина окинула его взглядом и заметила, что по виску течет капелька пота. Да и верхнюю губу он, оказывается, закусил, поэтому и молчит. Ее накрыло волной тепла и нежности от того, как повлияло на него всего одно прикосновение. Сжалившись, она решила сделать еще шаг навстречу.

— Ты все время такой неразговорчивый... а девушка у тебя есть? — произнесла Северина снисходительным тоном, показывая, что вполне в курсе его страданий.

— Нет, — процедил Димитрий глухим голосом и прежде, чем она смогла задать следующий вопрос, прижал стиснутый кулак к виску и тихо повторил: — Нет... нет...

Теперь сочувствие захлестнуло ее так, что стало трудно дышать. Значит, Эльза все-таки права. Бедняжка, он страдает от одиночества! Неужели все те девушки, уверяющие, что были с ним, вралы?! Ну пусть так, может и вралы, потому что боялись его репутации и глупой

молвы, а на самом деле только и мечтали, как ему отдаться, вот и напридумывали. Но даже если Димитрий и не умеет сходитья с женщинами, то явно этого хочет, тут даже ей, Северине, понятно. Конечно, хочет, он же нормальный человек, как и она сама, и его желания вполне естественны.

[Купить полную версию книги](#)